

Литературная газета

№ 10 (107), 2018

Размышления
протоиерея
о слове

стр. 6-8

Александр
Чижевский, каким
вы его не знали

стр. 8-9

За кадром.
Искатель
Андрей И.

стр. 16-17

Наследнику Пушкина и Михалкова

На прошедшей в Доме Ростовых встрече члены правления Академии российской литературы вручили председателю исполкома МСПС Ивану Переверзину Диплом действительного члена Академии № 3

Традиция выбирать лидера литературной академии из самых значимых для страны писателей зародилась ещё в 2005 году. Тогда на заседании правления символическим почётным членом был избран Александр Сергеевич Пушкин с оформлением Диплома №1.

В 2008 году Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Указ о награждении Сергея Михалкова орденом Святого апостола Андрея Первозванного за выдающийся вклад в развитие отечественной литературы. Это знаменательное событие было отмечено в Академии российской литературы вручением ему Диплома №2.

На этот раз президент Академии Борис Рябухин торжественно вручил Диплом действительного члена Академии российской литературы № 3 Ивану Переверзину — заслуженному деятелю культуры, лауреату литературной премии Союза писателей России «Традиция», премий имени Александра Твардовского, Михаила Луконина, Роберта Рождественского. Как руководитель самой большой в мире писательской организации он прилагает много сил и творческой энергии для сохранения, развития и популяризации российской литературы, поддерживает и содействует развитию национальных литератур всех народов,

проживающих в России. Как считает Переверзин, необходимо «гармонично соткать этот многонациональный узорный ковёр, где бы каждая литература своим оттенком была красиво вилтена». Также он отметил, что из литературной почвы «рано или поздно появятся новые Пушкины, Толстые, Достоевские, Есенины, Твардовские». И они уже появляются, российская литература не умерла, а живёт и успешно развивается. Важно, чтобы о ней в полный голос заговорили во всех средствах массовой информации.

Иван Иванович рассказал о проблемах, которые в настоящее время решает МСПС и поблагодарил коллектив Академии за вклад в развитие современной российской литературы и приверженность её традициям.

Евгений СКОБЛОВ,
член правления Академии
российской литературы.
Фото Ольги Карагодиной

Награды победителям — издание книг!

Международное сообщество писательских союзов объявляет конкурс на издание в 2018 году пяти книг лучших художественных произведений писателей России и русского зарубежья: двух книг прозы объёмом 25 печатных листов и трёх книг поэзии объёмом 15 печатных листов.

На конкурс принимаются произведения на русском языке, а также переводы писателей национальных литератур Российской Федерации. Главные критерии определения победителей конкурса — высокое художественное мастерство, современность и новизна произведений в русле традиций великой русской литературы.

Рукописи представляются в электронном виде в приёмную МСПС.

Приём рукописей осуществляется до 1 ноября 2018 года.

Тел.: +7 (495) 691-64-03

Эл. адрес: konkurs.msps@gmail.com

Конкурс им. С. Михалкова ждёт ваши книги

Международное сообщество писательских союзов сообщает, что приём книг на соискание премии имени Сергея Михалкова по номинациям: «Проза», «Поэзия», «Детская литература»

продлится
до 30 декабря
2018 года

Тел.: +7 (495) 691-64-03
Эл. адрес: konkurs.msps@gmail.com

Во имя настоящего и будущего

В Луганске состоялся VII съезд Межрегионального союза писателей

Съезд — это всегда событие, а в условиях нынешнего Донбасса — событие вдвойне, учитывая четырёхлетнюю блокаду и отсутствие обычных путей сообщения. Но несмотря ни на что, форум писателей собрал около 70 делегатов и гостей из городов Донбасса, России и Беларуси.

Не помешало даже заранее объявленное отключение электроэнергии: организаторы предусмотрели запасной вариант, но он не понадобился — свет ярко и без перерывов освещал Молодёжный интеграционный центр, где проходило мероприятие. В этот день само PROVIDЕНИЕ помогло писателям!

В работе съезда принял участие гость из Москвы — заместитель председателя Международного сообщества писательских союзов, прозаик, драматург, актёр, заслуженный работник культуры Российской Федерации Юрий Коноплянников. А надо сказать, добраться ему в Луганск было не так просто.

Юрий Коноплянников зачитал приветствие председателя МСПС Ивана Пе-

Президиум VII съезда МСП (слева направо): Иван Нечипорук, Наталия Морозова-Мавроди, Юрий Коноплянников, Александр Морозов.

реверзина, где подчёркнуто: «Несмотря на блокаду, члены вашего союза активно взаимодействуют с писателями России, Беларуси, Украины и многих других зарубежных стран, что позволяет нам сообща отстаивать принципы гуманизма, противодействовать силам зла, мракобесия и бездуховности.

2018 год для вас по-особому юбилейный — вашему союзу исполнилось 25 лет. 20 лет успешно и плодотворно работает ваша Литературная гостиная «В кругу муз». 15 лет пользуется успехом среди писателей и читателей бывшего Советского

Союза издаваемый вами альманах «Свой вариант». Произведения членов Межрегионального союза писателей можно увидеть в самых разных периодических изданиях: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Поэзия», «Общеписательская Литературная газета», «День Литературы», «Свой вариант», «Харьковский мост»; в книгах серии «Многоцветье имён», а также на литературных интернет-порталах «Камертон», «Поэтоград», «Золотое Руно», «Подлинник», «9 Муз» и других.

Продолжение на стр.2

Во имя настоящего и будущего

Начало на стр.1

Небывалый резонанс получил выпущенный под эгидой МСПС сборник стихов и прозы донбасских авторов «Строки мужества и боли...», без прикрас и выдумок отражающий истинную правду о войне. Мы и дальше готовы работать с вами в этом направлении, способствуя выходу в свет новых произведений писателей Донбасса».

От литераторов Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» приветствие зачитал Александр Морозов, житель Дебальцево, долгие годы руководивший на родине литературным объединением имени Владимира Сосюры, но вынужденный из-за разрушенного при обстрелах дома выехать в Беларусь.

Также свои приветствия участникам съезда с пожеланием творческих успехов прислали коллеги: президент Союза писателей XXI века (Москва) Евгений Степанов; председатель Ассоциации русских писателей Республики Молдова, главный редактор журнала «Русское поле» (Кишинёв) Олеся Рудягина; главный редактор газеты и журнала «День Литературы» Владимир Бондаренко; главный редактор журнала «Зарубежные задворки» (Германия) Евгения Жмурко и генеральный директор и шеф-редактор Портала «ДЛ» (Москва) Валентина Ерофеева. Из Германии с видеоприветствием к съезду обратился сопредседатель МСП Владимир Спектор. Успеха писателям пожелали руководители Министерства культуры, спорта и молодёжи ЛНР, выразив им свою благодарность.

Такая популярность Межрегионального союза не случайна — он давно и прочно зарекомендовал себя как писательская организация, основными моральными принципами которой с самого основания стали доброжелательность, порядочность, справедливость.

***

Предпосылкой для возникновения МСП стали неоднократные отказы Национальной писательской организации Украины в приёме в свои ряды литераторов, пишущих на русском языке.

Тогда поэт Александр Довбань поехал в Москву и обратился к руководству Межрегионального сообщества писательских союзов (ставшего на тот момент правопреемником Союза писателей СССР) с просьбой помочь писателям востока Украины. В январе 1993 года четверо поэтов из Луганска и Луганской области были приняты в МСПС. Это событие положило начало новому писательскому Союзу с центром в Луганске. Сегодня он широко известен как Межрегиональный союз писателей и насчитывает около 800 литераторов из Луганской и Донецкой народных республик, Украины, России, Беларуси и семи стран дальнего зарубежья: Италии, Испании, Франции, Греции, Германии, США и Израиля.

После трагической гибели весной 1994 года первого руководителя Союза Александра Довбани, МСП возглавил литературовед, поэт, выпускник Литературного института им. Горького Олег Бишарев — человек целеустремлённый, жизнелюбивый, оптимистичный. Преждевременная кончина Бишарева в 1998 году, только отпраздновавшего своё 50-летие, была для литераторов ударом и полной неожиданностью.

С 1998 по 2013 годы бессменным председателем правления МСП был поэт и публицист Владимир Спектор, с приходом которого Союз учредился юридически и, с подачи нового руководителя, получил хорошо известное всем сегодня название. Благодаря творческому подходу к работе Спектра, его организаторским способностям, умению общения с людьми, за 15 лет МСП был сформирован практически в том виде, в котором сейчас и работает. На прошлом съезде МСП в апреле 2013 года было принято решение об изменении структуры управления Союзом. Сопредсе-

дателями правления избрали Владимира Спектора и Наталию Морозову-Мавроди.

***

Содержательным и аналитичным был доклад сопредседателей МСП о деятельности МСП по развитию литературного процесса, повышению авторитета писательского союза и его членов, который зачитала Наталия Морозова-Мавроди. В частности, было сказано:

«Прошедшие пять лет были очень непростыми. Если говорить о Донбассе, 2014-й год не только разделил нашу жизнь на «до» и «после», но и, конечно, отразился на деятельности Межрегионального союза. Большая часть активного, среднего по возрасту населения переехала в другие города и страны. И пока нет речи об их возвращении. Осталось старшее поколение, литераторы, пережившие тяготы войны, что сказало на их здоровье, настроении и творческой активности.

Погибли во время обстрелов поэт Кон-

юются совместные проекты. Сохранилось и продолжается то, что нарабатывалось Межрегиональным союзом долгие годы: работает сайт «Свой вариант», издаются альманахи, книги серий «Многоцветье Имён», «Диалог с судьбой». Ежеквартально молодёжным литературно-музыкальным объединением «Мир творчества» выпускается одноимённый аудиожурнал. Проходят фестивали и конкурсы разных уровней, мы принимаем участие в работе жюри региональных и международных фестивалей и конкурсов, таких как «Славянская лира» (Беларусь), «Созвездие духовности» и «Интерреальность» (Киев), Фестиваль острова Тинос (Греция), «Северная бухта» (Липецк), «Цейский вальс» (Северная Осетия) и других.

Работают литобъединения, проводится учёба начинающих авторов, много внимания уделяется молодёжи. При нашем участии проводятся детско-юношеские конкурсы. МСП рекомендует к публикации авторов в представительных литера-

***

Отдельное значение приобрело сотрудничество с Международным сообществом писательских союзов, поддержку и помощь которого МСП постоянно ощущал все эти годы. Прозвучала благодарность от лица литераторов МСП исполкому МСПС и его председателю Ивану Переверзину. Без всесторонней поддержки московских коллег и друзей-луганчан проведение съезда на том уровне, на котором его удалось провести, было бы невозможно.

Заканчивая выступление, Наталия Морозова-Мавроди подчеркнула: «Мы будем искать сотрудничество со всеми, кто может оказать поддержку развитию литературного процесса. И будем, не смотря ни на что, стремиться решить поставленные задачи и реализовывать свои планы. Мы благодарны за любую помощь. И до сих пор мы находили и моральную поддержку, и материальную помощь, потому что это важно для нашего настоящего и будущего».

Вручение литературной премии имени Олега Бишарева Ивану Нечипорук

стантин Серебрянный и бард Андрей Ширяев. Не выдержало сердце замечательного человека и талантливого барда Виктора Гоняйло. Стоит отметить, в 2015 году в МСП учреждена региональная премия его имени, вручаемая ежегодно 5 октября за достижения в авторской песни. Можно сказать, нынешняя ситуация стала «катализатором» ухода из жизни литераторов старшего поколения. За последние четыре года МСП лишился 32 писателей. Для сохранения их памяти на сайте Союза открыта специальная рубрика.

В то же время, за последние пять лет с момента проведения предыдущего съезда, наши ряды пополнили 143 литератора, из них 92 — во время известных событий. В основном, это писатели Луганской и Донецкой народных республик, Украины и России. В 2015 году мы приняли двух соотечественников, работающих в Италии, в Неаполе. В апреле 2017 года после телемоста с писателями Южно-Российского творческого объединения «Серебро слов» (г. Краснодар) некоторые участники этого объединения изъявили желание стать членами нашего Союза. Так у нас появилось Кубанское отделение с центром в Краснодаре. И сейчас идёт очень активная работа с краснодарцами, запуска-

турных журналах. Произведения членов МСП можно увидеть в самых разных изданиях России, Новой Зеландии, в журналах «Чайка», «Новый континент», «vesti U.S.» (США), «Что есть истина» (Великобритания), «Литературная Канада» и других. Успешно реализуется акция «Золото переводов», в рамках которой выходят в свет переводы с украинского, болгарского, белорусского на русский и наоборот.

При поддержке Межрегионального СП работают Международное православное литературное объединение «Свете Тихий» и Клуб любителей миниатюрных изданий «Колibri». Объединение «Мир творчества» совместно с Краснодарским отделением работают над новыми формами подачи писательского труда, в частности, озвучиванием литературных произведений и созданием аудиокниг, возрождением «Театра у микрофона» с последующим размещением роликов на YouTube.

Нельзя не сказать о ставших престижными и почётными литературными премиями, учреждёнными МСП в 1999 году. Это награды имени Владимира Даля, Григория Сковороды, Бориса Гринченко, Михаила Матусовского, Владимира Сосюры, Татьяны Снежиной, Олега Бишарева, имени «Молодой Гвардии», а также ежегодная премия «Свой вариант» за лучшие публикации года на сайте МСП. Их лауреатами в разные годы стали выдающиеся писатели: Сергей Михалков, Юрий Бондарев, Иван Переверзин, Владимир Костров, Евгений Рейн, Константин Кедров, Юрий Конопляников, Наталья Вареник, Олег Зайцев и другие. В планах — учреждение премии имени Владислава Титова за достижения в жанре прозы и региональной премии имени Кима Иванцова — за достижения в жанре патриотической прозы.

Талантливыми книгами поразовали мастера слова Виктор Мостовой, Сергей Евсеев, Сергей Кривонос, Евгений Матвеев, Ольга Воробьёва, Виталий Мелнич, Геннадий Костенко, Андрей Линник, Александр Конопля, Иван Нечипорук, Александр Петренко (Ралот), Николай Дик, Елизавета Хапланова, Александр Морозов, Виталий Свиридов. И это далеко не полный список.

Представители писательских организаций и отделений, входящих в состав МСП, рассказали о своих достижениях и проблемах, поделились планами. Среди выступивших — Иван Нечипорук, Анатолий Воронов, Сергей Зарвоковский, Борис Москалюк, Людмила Гондарева, Артём Аргунов, Виктория Федоровская, Николай Песоцкий, Людмила Деева, Валентин Стронин. Все они положительно оценили работу руководства МСП, потому что состав нового правления вошли те, кто обеспечивал работу союза в предыдущие годы. Было также предложено вернуться от сопредседательства к институту председательства. Единогласным голосованием председателем МСП была избрана Наталия Морозова-Мавроди, заместителем — Иван Нечипорук.

Наталия Морозова-Мавроди вручила «Благодарности» за помощь и поддержку деятельности МСП и плодотворное сотрудничество руководителям МСПС, Министерства культуры, спорта и молодёжи ЛНР, Молодёжного интеграционного центра, Луганской республиканской универсальной научной библиотеки им. М. Горького, Луганской молодёжной библиотеки, Литературного музея В.И. Даля, а также члену МСП Н.Ф. Песоцкому, благодаря поддержке которого был создан сайт и учреждены литературные премии. Заместитель председателя МСПС Ю.В. Конопляников был награждён литературной премией «Свой вариант».

Завершился съезд вручением членских билетов и значков вновь вступившим в Союз — Анаит Агабекян, Людмиле Ромашкиной и Ирине Бауэр. Юрий Конопляников вручил Почётные грамоты МСПС руководителям организаций, входящих в МСП, а Наталия Морозова-Мавроди — литературные премии и Почётные грамоты МСП за вклад в развитие литературного процесса. Среди новых лауреатов — Анна Солодкая, Ирина Горбань, Иван Нечипорук, Виталий Мелнич, Марк Некрасовский. Каждый участник съезда получил в подарок юбилейный выпуск альманаха «Свой вариант».

Наталия ВЛАДИМИРОВА

Символ веры белорусского поэта

В Доме Ростовых прошла презентация необычного издания — двукнижия «Завязь Вселенной» (поэзия) и «Символ веры» (драматургия и проза) — поэта, председателя Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» Олега Зайцева

Двукнижие — достаточно редкий вариант издания, когда под общим переплетом соединяются две книги, написанные в разных жанрах, а чтобы прочесть вторую, нужно развернуть книгу на 180 градусов.

Презентация тоже состояла из двух частей: первая была посвящена книге поэзии «Завязь Вселенной», а вторая — книге пьесы и рассказов под общим названием «Символ веры». Вёл презентацию заместитель председателя Международного сообщества писательских союзов Юрий Конопляников, который сообщил, что книга Олега Зайцева вышла в издательстве «Вече» в рамках постоянно расширяющейся издательской программы МСПС и стала подарком к грядущему 50-летию автора.

В ответном слове Олег Зайцев поблагодарил руководство МСПС за поддержку русских писателей в Республике Беларусь, где ежегодно проходит Международный

литературный форум «Славянская лира» и выпускается одноимённый литературный альманах. Также Зайцев объявил о награждении председателя МСПС Ивана Переверзина Международной литературной премией имени Симеона Полоцкого за большой вклад в продвижение литературных процессов и высокое художественное мастерство.

Ведущий мероприятия ознакомил присутствующих со вступительным словом к книге, написанным поэтом из Вильнюса, вице-президентом Международной федерации русскоязычных писателей Юрием Кобринным.

Заместитель главного редактора журнала «Литературные знакомства» Григорий

Певцов сказал, что наступила эпоха решающей битвы за чистый русский язык, а Олег Зайцев со своей высокой гражданской поэзией и выпускаемыми его издательством русскими книгами выполняет миссию сохранения и развития русского языка в Белоруссии.

Член Координационного совета Российского союза профессиональных литераторов Людмила Салтыкова рассказала о совместных проектах, реализованных российской и белорусской сторонами, о переводах произведений Олега Зайцева на другие языки.

Во второй части вечера ведущий предложил присутствующим сыграть первый акт драмы «Символ веры», в которой опи-

сывается один из самых драматических моментов в истории христианства — великий раскол двух церквей: православной и католической.

Заместитель председателя Южнорусского союза писателей (г. Одесса) Станислав Айдинян рассказал о фестивальном движении в Беларуси, России и на Украине, подчеркнув, что особую роль играет возглавляемый Олегом Зайцевым Международный литературный фестиваль-форум «Славянская лира».

Эмоциональным стало выступление заместителя председателя правления МОО Союза писателей России Игоря Витюка, который прочёл стихотворения Олега Зайцева, особо запавшие ему в душу.

Секретарь правления Московской областной организации Эдуард Хандюков предложил Олегу Зайцеву опубликовать свои произведения в журнале «Поэзия». Двадцать первый век от Рождества Христова».

Вечер завершился автограф-сессией, в ходе которой каждый участник презентации получил в подарок книгу.

Соб.инф.

Благое дело на донской земле

«Стоит октябрь, как терем расписной», — написало тридцать лет назад в стихотворении «Октябрь», и вот вновь всплыла эта поэтическая строчка в станице Вёшенской при виде яркого утреннего разноцветья донской природы вокруг зеркальной, будто недвижимой глади Дона. Какое пиршество красок, какая благодать на душе! Праздник родной земли!

И впрямь, сегодня на Верхнем Дону — литературно-этнографический праздник «Каргинская ярмарка на Покрова» в станице, где провёл детские и юношеские годы великий русский писатель Михаил Шолохов. Делегация Союза писателей России принимает в нём активное участие — закладываем мемориальный писательский сад имени М.А. Шолохова. Нам надлежит посадить 60 яблонек в честь предстоящего в декабре 60-летнего юбилея нашей творческой организации и 35 груш в честь «донской литературной роты», как называл писателей-земляков Михаил Александрович.

По залитой медовым солнцем дороге едем мимо рукотворных сосновых боров, отбрасываем золотистую листву тополей и карагачей, мимо бронзового «орёлика», размахнувшего свои крепкие крылья на крутом кургане, мимо памятника казаку, возвращающемуся с войны, мимо просторных и ухоженных полей, мимо осколков степи в сизых облачках пыли и пурпурных каплях боярышника, мимо добротных кирпичных куреней, мимо сельского кладбища станицы Каргинской, где среди стандартных крестов и надгробий выделяется белый памятник крест всем погибшим казакам, сложившим головы не только в боях с врагами Отечества...

Нарядные станичники стекаются к месту проведения ярмарки на правом берегу речки Чир — музейному комплексу «Подворье Тимофея Каргина». Этот славный казак более 100 лет назад построил здесь мельницу, а на противоположном берегу посадил огромный сад. Но, к сожалению, годы Гражданской войны и гонений на казачество, испытания Великой Отечественной войны уничтожили плоды трудов Каргина. В 2010 году ввук великого писа-

теля Александр Шолохов, будучи директором музея-заповедника своего прославленного деда, выступил с инициативой возрождения сада. Деревья, посаженные местными школьниками в том году, уже плодоносят. Теперь к ним добавятся новые, трёхлетние саженцы, подаренные писателям селекционерами Федерального научного центра имени И.В. Мичурина по просьбе доктора экономических наук, профессора Мичуринского аграрного университета, писателя и издателя Анатолия Трубы.

К празднику приурочено открытие нового пешеходного моста через речку Чир, построенного при поддержке главы Боковского района Ростовской области Юрия Пятикова. На мосту нас радушно встречают статные улыбочивые казаки, звучит задорная песня в исполнении местного фольклорного ансамбля. Ноги сами просятся в пляс. Песенная волна подхватывает писателей Александра Смышляева с Камчатки, Надежду Мирошниченко из Республики Коми, Олега Этлухова из Карачаево-Черкесии, Сергея Мурашева из Архангельска, Владимира Казмина (Прокопенко) из Луганска, Владимира Королёва из Смоленска, москвичей Николая Иванова, Владимира Бояринова, Николая Старченко, Ирину Первозванову, популярного артиста — Юрия Назарова и Людмилу Мальцеву. А вслед за ними — писательский десант ростовчан во главе с Алексеем Береговым, группу тамбовских писателей под руководством быва-

лого воина-афганца Юрия Мещерякова, вёшенских литераторов, возглавляемых Григорием Рычневым.

У транспаранта «Сад писателей России имени М.А. Шолохова» нас поджидают шефы уже посаженных восемь лет назад деревьев — местные школьники. После краткого митинга они охотно взялись помогать именитым гостям. Они придерживали саженцы на нужной высоте в подготовленных загодя лунках, наполнили ведра водой из цистерны. По всему чувствовалось, что для них, в отличие от городских взрослых дядь и тёть, занятие не в диковинку. Эти вот ребята будут подрастать и расцветать на родной земле вместе с яблонями и грушами, посаженными сегодня. Для них, как и для нас, сад на всю жизнь станет своим.

Что ни говори, а посадка деревьев — благородное и сакральное занятие, создающее жизнь и плодородие на земле. Не зря же столько серьёзных людей побросали свои дела и приехали за сотни километров, чтобы на донской земле, прославленной на весь мир творчеством Михаила Шолохова, посадить своё дерево, значит, подарить людям цветы и плоды его, и хотя

бы немного искупить человеческие грехи перед матушкой-природой. Вот и Андрей Черномырдин, сын известного государственного деятеля Виктора Черномырдина, с удовольствием трудится рядом с писателями и школьниками. Кто-то, наверняка, думает: для чего? А не всё равно потому что казачьего рода, какой будет наша земля через пять и пятьдесят лет. Лучше, если на ней будут умножаться сады, а не пустыни и свалки.

Посажены и политы деревца. Щёлкают фотоаппараты. Звучат казачьи песни и добрые слова в адрес строителей и участников благого дела. На лицах — радость от содеянного. Благогостно на душе. Празднует станица Каргинская. Празднует коллектив музея-заповедника М.А. Шолохова проявление искреннего внимания и любви писателей России к своему прославленному земляку. Празднуют члены делегации Союза писателей России свой зримый вклад в копилку благих дел организации накануне славного 60-летнего юбилея. Праздник на донской земле!

Валерий ЛАТЫНИН

К 200-летию И.С. Тургенева

Алексей ЯШИН (г. Тула)

Член Союза писателей СССР и России, член правления Академии российской литературы, главный редактор всероссийского художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреат литературных премий.

«Он никогда не покидал общечеловеческих идеалов...»

Тургенев — пронзительно тонкий знаток русского характера с его загадками и откровениями стал и стержнем, и окончанием русского литературного феномена

Почти дуэлянт

В самом тёплом настроении чувств Тургенев в начале мая 1861 года пишет из Тулы Толстому: «... Приезжайте в Спасское, где Вы, по всей вероятности, застанете Фета и Борисова, да привезите с собой на всякий случай болотные сапоги: мы, может быть, съездим втроём на весеннюю охоту. Привозите также непременно Вашу повесть («Поликушка». — А.Я.). Говорю — итак, до свидания и крепко жму руку».

Но охота не состоялась, ибо Толстой приехал в Спасское только 24 мая. А через три дня в Степановке, имени Фета, и произошла та достопамятная ссора, поводом к которой стало резкое замечание Толстого в части рассказа Тургенева о том, как гувернантка приучает его дочь к благотворительности. Отношение Толстого к этой дворянской прихоти хорошо известно. Отсюда и причина ссоры.

В тот же день, когда они разъехались — Тургенев в Спасское, а Толстой в имение Борисова Новосёлки, — Лев Николаевич пишет своему обидчику: «Надеюсь, что Ваша совесть Вам уже сказала, как Вы не правы передо мной, особенно в глазах Фета и его жены. Поэтому напишите мне такое письмо, которое бы я мог послать Фетам. Ежели же Вы находите, что требование моё несправедливо, то известите меня».

...Всё это рядом, в шаговой доступности, как бы сейчас сказали, на границе Тульской и Орловской губерний: Спасское Тургенева, имение Толстого Николо-Вяземское, Новосёлки Борисова, — поэтому переписка велась стремительно. В тот же все день Тургенев пишет Толстому: «Милостивый государь, Лев Николаевич! В ответ на Ваше письмо я могу повторить только то, что я сам почёл своей обязанностью объяснить Вам у Фета: увлечённый чувством невольной неприязни, в причины которой теперь входить не место, я оскорбил Вас безо всякого положительного повода с Вашей стороны и попросил у Вас извинения. Это же самое я готов повторить теперь письменно — и вторично прошу у Вас извинения. Происшедшее сегодня поутру доказало ясно, что всякие попытки сближения между такими противоположными натурами, каковы Ваша и моя, — не могут повести ни к чему хорошему; а потому я тем охотнее исполню мой долг перед Вами, что настоящее письмо есть, вероятно, последнее проявление каких бы то ни было отношений между нами. От души желаю, чтоб оно Вас удовлетворило — и заранее объявляю своё согласие на всякое употребление, которое Вам заблагорассудится сделать из него...».

Ответное письмо Толстого неизвестно, но полученное от обидчика Лев Николаевич отправил Фету (видимо, Афанасий Афанасьевич был избран разругавшимися доселе друзьями на роль некоего третейского судьи...) с присовокуплением слов: «Вот его ответ, которым я удовлетворился, ответив только, что причины, по которым я

извиняю его, не противоположности натур, а такие, которые он сам может понять».

...Но переписка наших классиков по поводу ссоры продолжалась до осени 1861 года, всё более распаяя конфидентов, явно не желавших уступить друг другу. Хотя бы и назвать их конфидентами уже нельзя было, ибо Толстой стал распространять в Москве копии с письма Тургенева... Нашла коса на камень. Тургенев — в письме от 28 мая этого же года уже и дуэль с секундантами предлагает, а в сентябре и вовсе пишет Толстому: «...Но так как я считаю подобный Ваш поступок после всего, что я сделал, чтобы загладить сорвавшееся у меня слово, — и оскорбительным, и бесчестным, то предворяю Вас, что я на этот раз не оставлю его без внимания и, возвращаясь будущей весной в Россию, потребую от Вас удовлетворения. Считаю нужным уведомить Вас, что я известил о моём намерении моих друзей в Москве для того, чтобы они противодействовали распушенным Вами слухам».

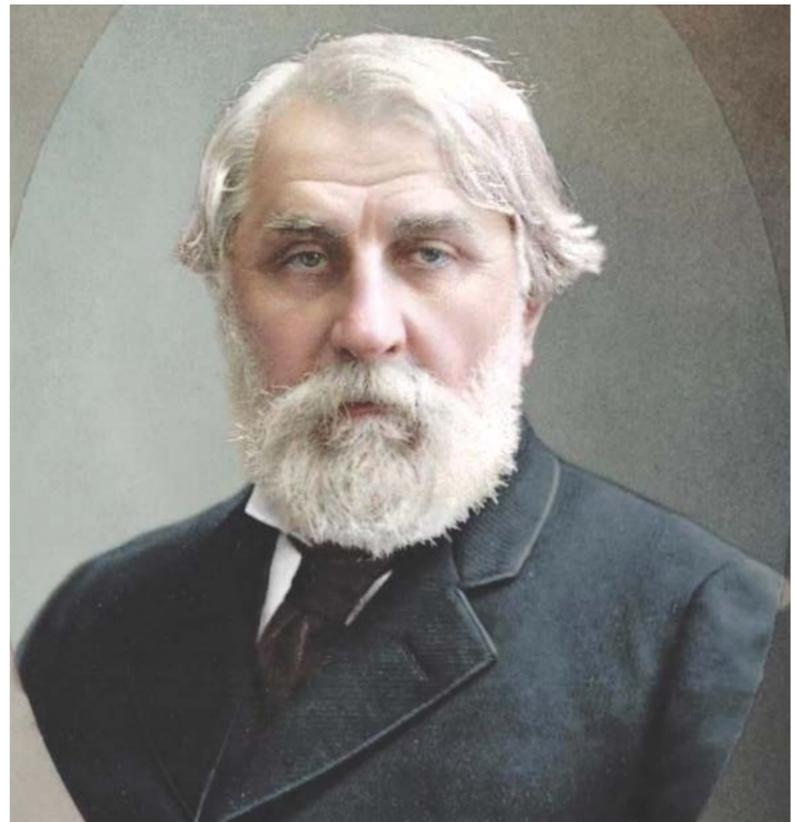
В итоге личные отношения Тургенева и Толстого прервались на семнадцать лет — до 1878 года — после письма Толстого от 8 октября 1861 года: «Милостивый государь. Вы называете в письме своём мой поступок бесчестным, кроме того, Вы лично сказали мне, что Вы «дадите мне в рожу», а я прошу у Вас извинения, признаю себя виноватым — и от вызова отказываюсь. Гр. Л. Толстой».

Государственник

Мы достаточно подробно остановились на известной ссоре и почти двухдесятилетней размолвке наших великих творцов слова, и вот почему. Если в тридцатитрёхлетнем Толстом в этом эпизоде уже просматривался грядущий «последний евангелист христианской эры» с принципом «не судите да не судимы будете», то в старшем его на десять лет Тургеневе всё же проступает барин.

Да-да, именно барин, не помышляющий своей жизни в иной обстановке, даже в столь симпатичной ему, великолепно воспетой им престоном русской среде. И кончина их была различна: уход Толстого от барства Ясной Поляны, а у Тургенева истинно барская смерть в парижском Буживале...

...И если Толстой по некоей условной «писательской классификации» суть пророк, то Тургенев, как Пушкин и Достоевский, был выраженный государственник. Если Толстой в период увлечения «романами с направлением» писал «Анну Каренину» и «Воскресение», всё более усиливая доминанту морали, создавал «Перевод и соединение Евангелия», приобретая мировую известность пророка из Ясной Поляны, то Тургенев уже в «Отцах и детях», а ещё ранее в «Дворянском гнезде», «Рудине», «Накануне», выступает автором социально-психологических романов, отражающих современность и идеологию, преимущественно либерально-дворянскую, русского общества

1850–70-х годов. Не следует забывать, что именно за социальную направленность ещё более ранних «Записок охотника» (хотя по формальному определению за статью памяти Гоголя) Тургенев единственный раз в жизни был арестован и послан в Спасское-Лутовиново под гласный надзор полиции...

Последний его роман «Новь», предвараемый романом «Дым» и повестями «Фауст», «Ася», «Призраки», однозначно посвящён «нигилистической» теме — основной в русской литературе тех времён. И именно пронизательность писателя-государственника выделила «Новь» на обширном фоне антинигилистической литературы и произведений признанных писателей-демократов, в основном из среды разночинцев.

В «Дыме», совершенно хладнокровно (а это посильнее сатиры!) и обдуманно обличая дела и нравы правящих кругов пореформенной России, Тургенев даёт яркие карикатуры на русскую революционную (народовольческую точнее) эмиграцию. Это же видим и в более поздней, а значит, более обдуманной писателем «Нови».

Главный по Европе

Ещё в детстве услышал я от своего отца, большого книголюбца и стихийного философа, что Иван Сергеевич не одной русской литературе <блестяще!> служил, но являлся... главным по всей Западной Европе резидентом политической разведки российского генштаба и даже имел звание полковника политической жандармерии. Ни много ни мало! А на вопрос об источнике таких сведений отец отвечал, что в своей молодости ему доводилось это слышать от людей, учившихся ещё в царских гимназиях и университетах...

В 60–70-е годы я был частым посетителем букинистического магазина в Туле, удивительно богатого на книжные раритеты, брошюры и беспереплётные книжки, и там мне снова встретились намёки на резидентство Тургенева. О том же велись и жаркие споры в знаменитом общежитии Литературного института, где я учился в конце 70-х — начале 80-х годов.

А в девяностые годы и советские консерваторы, и молодцеватые либералы-комсомольцы уже однозначно и утвердительно наделяли Ивана Сергеевича должностью от генштаба и министерства иностранных дел Российской империи и полковничьи ми погонами...

Действительно, Тургенев в самую жизненную пору своей деятельности чаще проживал не в России, но в самых «многолюдных» европейских местах — в Париже, в том же Баден-Бадене, где круг общения чрезвычайно широк; обширная переписка и личное общение с писателями и общественными деятелями Западной Европы, теми же Жорж Санд, Фридрихом Боденштедтом, Вильямом Рольстоном, Теодором Штормом, Вучичем, Эдмоном де Гонкуртом, Гюставом Флобером, Эмилем Золя, Анатолем Франсом, Ги де Мопассаном и другими, много чего знающими о политических веяниях в Европе людьми — самих с большим кругом знакомцев.

О многом говорит и обширная переписка Тургенева с Герценом: по объёму их корреспонденции она немного уступает лишь эпистолярному общению Тургенева с Толстым, Фетом и Анненковым... А ведь следует «держаться в уме», что все свои издания, нелегально ввозимые в Россию, Герцен печатал за счёт... Ост-Индской компании, в руках которой была вся мощная политическая разведка Британии.

С Маяковским — по земному шару

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук прошла международная научная конференция «Маяковский в мировом культурном пространстве», приуроченная к 125-летию со дня рождения поэта

И уже не говорим — только ленивый это не обсуждал в то время — о Полине Виардо, совершенно некрасивой посредственной певице, семью которой, вместе с её мужем, полностью много лет содержал Тургенев. Зато у Виардо имелся активно действующий салон, где собирались много чего ведающие люди...

Чтобы совсем не доходило до околотературного анекдота, отметим, что молва приписывает нашему великому писателю сугубо политическую оценку состояния дел в Европе — предмет интереса руководства Российской империи. Вряд ли Иван Сергеевич «имел в шкафу мундир» и делал ежеквартальные отчёты «по инстанции», но эта молва разве не подтверждение такого status quo?...

Дух новой эпохи

Кажется, не осталось ни одного русского писателя 1860–70-х годов, кто бы не посвятил «Отцам и детям» самого пристального внимания. А как крепко-накрепко засели со школьных лет в нашей памяти образы-характеристики героев романа: Базаров и Аркадий, Николай Петрович и Павел Петрович Кирсановы, сёстры Одинцовы Анна Сергеевна и Катя, трогательные до невольных слёз старички-родители Базарова! Даже образы второго-третьего плана, те же карикатурная мадам Кукшина, одетый в славянофильскую венгерку «человек небольшого роста герр Ситников», молчаливая, только с Базаровым оживляющаяся, Фенечка, таки ставшая к окончанию действия романа Федосьей Николаевной, женой Николая Петровича Кирсанова.

Именно «Отцы и дети» — на фоне не менее замечательных и, быть может, более пронзительных произведений Тургенева — в наибольшей степени подпадают под данное Салтыковым-Щедриным определение сущности творчества нашего великого писателя: «Тургенев был человек высоко развитый, убеждённый и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое и составляет его главную и неосценённую заслугу перед обществом. В этом смысле он является прямым продолжателем Пушкина и других соперников в русской литературе не знает».

Острому перу Михаила Каткова, издателя и редактора «Русского вестника», выдающегося публициста середины и второй половины XIX века, принадлежат такие определения творчества Тургенева: Базаров не есть чётко положительный или отрицательный герой. Он дух эпохи, естественный, повторяющийся в каждом звене поколенной цепи протестант. И остаётся он в живых, — через некоторое время его дети явились бы к нему, стареющему Евгению Васильевичу, такими же протестантами...

Совсем немного по историческим меркам осталось времени, когда из чудачливых «новых людей», нигилистов конца 50-х — начала 60-х годов XIX века вырастут бомбометатели-царевубийцы, жестокие герои «Бесов», объединённые в «Народную волю» и «Чёрный передел». А на подходе уже боевики-эсеры с наганами во всех карманах... и большевики, мощно организованные, сплочённые со всей пролетарской Европой Марксовым, а потом и своим Интернационалом...

И смешные либералы вроде Матвея Ильича из «Отцов и детей» быстренько уступят место людям круга обрётённого Анной Сергеевной Одинцовой мужа: с твёрдой волей и «холодным как лёд». От них так и отдаёт ощутимо всеми органами чувств холодом молоха капитализма — империализма.

А дальше ещё жутче и холоднее, с привкусом пролитой крови: двадцатый век с его мировыми войнами, противостояниями социально-политических систем планетарного масштаба. Но что характерное, «держа в уме» роман Тургенева, отметим — почти до смены тысячелетий: преемственная цепь поколений, при всех бунтах «детей» в отношении «отцов», не рвётся, не распадается связь времён...

Активное участие в конференции приняли члены Московской городской и Московской областной организаций Союза писателей России, научные сотрудники ИМЛИ РАН и около 90 учёных, которые представляют сегодня главные центры российской гуманитарной науки.

В их числе Институт русского языка имени В.В. Виноградова, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет, Калужский, Новосибирский, Томский, Саратовский и другие высшие учебные заведения, архивы, музеи и библиотеки — Государственный фонд кинофильмов, Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М.И. Рудомино, Государственный музей В.В. Маяковского, Государственный музей А.С. Пушкина, Музей-библиотека Н.Ф. Фёдорова.

Участники конференции получили возможность познакомиться с музыкально-поэтической композицией «На флейте водосточных труб...» Сергея и Елизаветы Бирюковых (Германия) и Сергея Легова (Россия) и посетить четыре выставки.

«Дочка» — экспозиция Государственного музея В.В. Маяковского, которая

рассказывает о поездке поэта в Америку в 1925 году, знакомстве с русской эмигранткой Элли Джонс (Елизаветой Петровной Зиберт), об их дочери Патриции Томпсон (Елене Владимировне Маяковской).

Выставка Российского государственного архива литературы и искусства «Люди с прыгающей походкой» посвящена Маяковскому и восьми его современникам — Николаю Асееву, Сергею Боброву, Давиду Бурлоку, Василию Каменскому, Алексею Кручёных, Михаилу Матюшину, Игорю Терентьеву и Виктору Шкловскому, составлявших, как подчёркивают создатели выставки, одну планетарную систему.

Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля в год 125-летия Маяковского позвал совершить вместе с ним путешествие по земному шару, используя для этого письма, открытки и мемориальные вещи поэта,

За Зелёной Стеной

Роман-антиутопия Евгения Замятина «Мы» был напечатан в России 30 лет назад. Приуроченный к этой дате, в Лебедянском краеведческом музее прошёл творческий вечер, посвящённый памяти выдающегося земляка

Время написания романа «Мы» — 1920 год. Слово предупреждение человечеству высказывает Замятин: пора остановиться, вернуться к истокам, ведь прогресс ведёт к гибели Земной цивилизации...

Замятин описывает общество жёсткого тоталитарного контроля над личностью, свои представления о развитии и будущем военного коммунизма. Этот замысел он вынес из «машинизированной» Англии, где побывал в качестве инженера-кораблестроителя в 1916 году: в самый разгар первой мировой войны Замятина командировали в Лондон для наблюдения за строительством российских ледоколов на верфях Ньюкасла, Глазго и Сандерленда. Надо сказать, Замятин был одним из главных проектировщиков ледокола «Святой Александр Невский», получившего после Октябрьской революции имя «Ленин».

Замятина поразила разница между Россией и Англией, переход «от лопухов и малинников Лебедяни — к грохочущим докам Нью-Кастла». Да, от Лебедянской гимназии, где он, как признаётся, получил «пятерки с плюсом за сочинения и не всегда легко ладил с математикой. Должно быть, именно потому (из упрямства) я выбрал самое что ни на есть математическое: кораблестроительный факультет Петербургского политехникума».

Судьба этого произведения, которое впервые было опубликовано на роди-

не автора только спустя почти 70 лет, в 1988 году, свидетельствует о его острой проблематике и политической направленности. Неслучайно роман вызвал в России в 20-х годах живой интерес, хотя современники Замятина не могли его увидеть напечатанным. Актуальность произведения в предупреждении о том, как разрушает тоталитаризм естественную гармонию мира и личности.

Итак, действие разворачивается приблизительно в тридцать втором веке. Нумер Д-503, вокруг которого строится повествование, является конструктором «Интеграла» — звездолёта, готового лететь в космос, завоевывать иные планеты: Уран, Венеру и другие. Для морального воздействия на аборигенов-инопланетян берут специальный груз: стихи, написанные придворными поэтами во славу Единого Государства.

Ну а если стихи не подействуют — на борту имеется... ядерное оружие (!). В результате облёта Д-503 попадает на операционный стол, у него удаляют фантазию — остатки души. После чего он предаёт и своих новых знакомых, и любимую девушку — нумер I-330. После экзекуции он говорит: «Я уверен — мы победим. Потому что разум должен победить»...

Должен ли? Роман «Мы» был издан в Нью-Йорке на английском языке в 1925 году, а затем — на чешском и французском языках. Эти переводы заметно повлияли на европей-

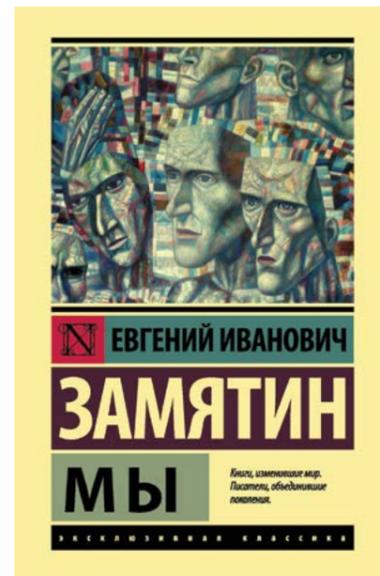
архивные материалы, фотографии и кинохронику. Государственная Третьяковская галерея в Музее А.С. Голубкиной предложила вниманию отечественных и зарубежных учёных междисциплинарный проект — выставку «Атлас ВМаяковский» и фильм Александра Шейна «ВМаяковский», где фигура Маяковского включена в интересный разговор о сегодняшнем дне и о нас самих.

Общеизвестно, что Маяковский был не только поэтом, но и драматургом, художником, сценаристом, актёром, журналистом, теоретиком искусства, литературным критиком. И поэтому его творчество, требующее комплексного изучения, неизменно привлекает внимание учёных разных специальностей. Неудивительно, что в Институте мировой литературы наряду с голосами историков литературы звучали голоса театроведов, музыковедов, киноведов, искусствоведов из Государственной Третьяковской галереи, Российского государственного института сценических искусств, Московской государственной художественно-промышленной академии имени С.Г. Строганова, Научно-исследовательского института киноискусства ВГИК, Российской академии музыки имени Гнесиных.

В завершение был проведён круглый стол на тему «Творчество Маяковского в зарубежном мире: проблемы рецепции, перевода, изучения», на который собрались слависты из 17 стран — Бразилии, Германии, Израиля, Ирана, Испании, Италии, Китая, Сербии, США и других.

И действительно, многогранная деятельность Владимира Маяковского является неотъемлемой частью отечественной и мировой культуры, находится в центре внимания исследователей разных специальностей как в России, так и за её пределами.

Василий ПАНЧЕНКО

скую литературную жизнь, в частности, на творчество Олдоса Хаксли, создавшего в 1932 году роман «О дивный новый мир» и Джорджа Оруэлла, который в 1949 году написал роман «1984». Дж. Оруэлл написал о произведении Замятина: «...Этот роман — сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства — всё равно какого».

В 1931 году чета Замятиных была вынуждена выехать за границу. Но связи с родиной Евгений Иванович никогда не терял: участвовал в антифашистском конгрессе, заочно был принят в Союз писателей СССР в 1935 году и собирался возвращаться домой...

Умер Евгений Замятин во Франции и был похоронен 10 марта 1937 года под Парижем.

Аркадий ПОЛЬШИН

Но утешаюсь я от века тем,
Что созерцаю образ мирозданья.
Хоть человек забыл своё преданье,
В творенье Бог красноречиво нем.

Г. Рязанцев-Седогин

Постижение себя и мира как «подвижного покоя», переход от хаоса к космосу и есть то таинственное, вечно совершаемое со-бытие, которое заставляет в любой попытке осмысления понять мир как Единое.

Г. Рязанцев-Седогин

В мировой литературе есть три художественных произведения, которые по своему внутреннему содержанию соответствуют названию «Портрет художника в юности». Но только один автор осмелился напрямую приоткрыть содержание своего творения через название романа — это ирландский писатель Джеймс Джойс. Двое других, не менее известных в мировой литературе писателей, дали своим бес-

эта главная, по моему мнению, пора жизни человека через чувственное восприятие мира формирует будущего большого художника.

Стивен Дедал, главный герой романа Джеймса Джойса «Портрет художника в юности», вспоминает, как отец рассказывал ему сказку про мальчика Бу-Бу и корову Му-Му, как мама играла ему на рояле матросский танец, а он танцевал. В школе в подготовительном классе Стивен был одним из лучших учеников. Детей удивляло его странное имя, третьеклассник Уэллс часто дразнил его, а однажды даже столкнул в уборную за то, что Стивен не захотел обменять свою маленькую табакерку на его игральную кость, которой он сорок раз выиграл в бабки. Его отправили в привилегированный Иезуитский колледж Клонгоуз, где он погрузился в полное одиночество среди окружающих его сверстников.

«На больших спортивных площадках толпились мальчики. Все кричали, и вос-

В будущем он будет стараться выразить себя в той или иной форме жизни или искусства так полно и свободно, как может, защищаясь лишь тем оружием, которое считает для себя возможным — молчанием, изгнанием и хитроумием.

«Искусство — это способность человека к рациональному или чувственному восприятию предмета с эстетической целью».

Стивену Дедалу близок термин Луиджи Гальвани — «замерзлость сердца». И уже тогда, в детстве, отрочестве и юности, Джеймс Джойс через своего героя выражает судьбоносную мысль для всего своего последующего творчества: «Ему было горько сознавать себя, что он навсегда останется только робким гостем на празднике мировой культуры».

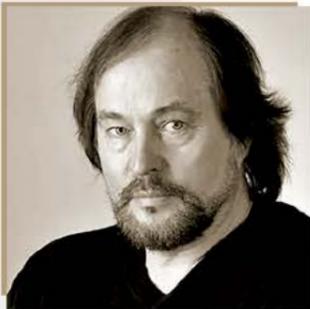
Потом Джойс напишет и опубликует роман «Улисс», принёсший ему мировую известность, и «Поминки по Финнегану». И мы не найдём ни одного человека в мире, который прочитал бы этот роман от начала и до конца.

станцевал вместе с ними женскую фигуру «мулине для четырёх дам». Его подняли на смех, в том числе Инге...

Тонио восторженно смотрел на Ганса, своего приятеля, «статный, широкоплечий, узкобедный, с открытым и ясным взглядом серо-голубых глаз, он был очень хорош собою... Рот и подбородок Тонио отличались необыкновенно мягкими очертаниями. Походка у него была небрежная и неровная, тогда как стройные ноги Ганса, обтянутые чёрными чулками, ступали упруго и чётко».

Заложено ли одиночество художника в самой природе искусства? Тонио Крёгер склонен думать, что это именно так. И Тонио обнаруживает «дух», который есть в нём самом и который заставляет его встать на путь искусства, в то время как в Гансе Гансене и в Инге Хольме (Инге — прим. автора) он наблюдает и приветствует «жизнь», как раз то самое, чего лишён он сам — художник, созерцатель и сторонний наблюдатель жизни и людей.

Протоиерей
Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН

лауреат
Всероссийской
литературной
премии имени
Святого
Благоверного
князя
Александра
Невского

Мир как Единое

• Онтология Ивана Переверзина. Истоки творчества писателя

смертным произведениям имена главных героев — это повесть немецкого писателя Томаса Манна «Тонио Крёгер» и роман «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина, русского классика и первого лауреата Нобелевской премии в области литературы из России.

Известного современного писателя Ивана Переверзина, создавшего удивительное по красоте и смыслам произведение в прозе «Капитоновка», на мой взгляд, можно поставить в один ряд с этими классиками мировой художественной литературы и тоже условно назвать его повесть «Портретом художника в юности».

Я не ставлю перед собой задачи сравнивать эти разные по форме, смыслу и стилистике книги — на это потребовалось бы слишком много времени и места, но не могу обойти некоторые важные моменты, которые делают эти произведения схожими. В них приоткрывается тайна природы творчества таких разных, но равноценно великих писателей, объединённых темой созерцания и открытия жизни в ранней поре её существования — детстве. И как

питатели их громко поддерживали. Вечерний воздух был бледный и прохладный, после каждой атаки и удара футбольный лоснящийся кожаный шар, как тяжёлая птица, взлетал в сером свете. Он (Стивен — прим. автора.) топтался в самом хвосте своей команды, подальше от воспитателя, подальше от грубых ног, и время от времени делал вид, что бежит. Он чувствовал себя маленьким и слабым среди толпы играющих, и глаза у него были слабые и слезливые. Роды Кикем не такой: он будет капитаном третьей команды...»

Стивен Дедал не участвует в жизни, он её созерцает и анализирует. И потом, став писателем, он об этом напишет.

«Вокруг него началась свалка из-за меча и, страшась этих горящих глаз и грязных башмаков, он нагнулся и стал смотреть мальчишкам под ноги. Они дрались, пыхтели, и ноги их топтали, толкались и брыкались. Потом жёлтые ботинки Джека Лытена наподдали мяч, и все другие ботинки и ноги ринулись за ним. Он пробежал немножко и остановился. Не стоило бежать...»

Тонио Крёгер — главный герой одноимённой повести Томаса Манна — потомок бюргерского рода, талантливый мастер стиха, но он чувствует себя неприкаянным и ненужным. Главная беда его не в том, что окружающий мир чужд ему, а в том, что он сам чужд окружающему миру. Маленький Тонио Крёгер судит Кнаака (персонаж повести — прим. автора) как художник, пристально заглядывая в глубину его простой, уродливо гримаснической природы: «Его глаза не проникают в глубь вещей — там слишком много сложного и печального; они знают только одно, что они карие и красивые! Поэтому-то он и держится так горделиво. Конечно, не надо быть глупцом, чтобы выступать столь осанисто, но зато таких людей любят, а значит, они достойны любви. Тонио прекрасно понимал, почему Инге, прелестная белокурая Инге (из-за любви к ней он пришёл заниматься танцами — прим. автора), не сводит глаз с господина Кнаака».

Размышляя как маленький художник над природой человека, Тонио по рассеянности затесался в круг четырёх девушек и

Ему в будущем хочется написать такое произведение, которое потрясло бы Ганса и Инге! Но художник пишет и говорит для одних, а его читателями станут другие — страдающие, как и он, робкие и чувствительные. Для решительных, жизнерадостных Ганса и Инге творчество Тонио Крёгера и его устремления к «духу» абсолютно ничего не значат. Ведь они и так живут полнокровной жизнью, счастливой и радостной, им и так всего хватает.

Зачем в таком случае нужна ещё литература?

Русская художница Лизавета Ивановна (персонаж повести — прим. автора) полемизирует с Тонио Крёгером:

«По вашему выходит, что целительное, освещающее воздействие литературы, преодоление страстей посредством познания и слова, литература как путь ко всепониманию, ко всепрощению и любви, что спасительная власть языка, дух писателя как высшее проявление человеческого духа вообще, литератор как совершенный человек, как святой — только фикция?...»

И, наконец, мы приблизились к треть-

ему, из четырёх разбираемых нами произведений, к «Жизни Арсеньева» великого русского писателя Ивана Бунина. Плотность изобразительного ряда этого романа такова, что поражает воображение своей детальной созерцательностью жизни — это в изобилии мы встретим и на страницах повести Ивана Перверзина «Капитоновка».

«Подражая подпаску, — размышляет герой автобиографического романа «Жизнь Арсеньева», — можно было запастись подсолёной коркой чёрного хлеба и есть длинные зелёные стручки лука с серыми зернистыми махорочками на остриях, красную редиску, белую редьку, маленькие шершавые и бугристые огурчики, которые так приятно было искать, шурша под бесконечными ползучими плетями, лежащими на рассыпчатых грядках... На что нам было всё это, разве голодные мы были? Нет, конечно, но мы за этой трапезой, сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, из чего создан мир».

Как по-русски хорошо и по-родному пишет Иван Бунин, и как отличается его стилистика от западно-европейских художников!

«О, как я уже чувствовал это божественное величие мира и Бога, над ним царящего и его создавшего с такой полнотой и силой величественности!».

«Потом мрак, огонь, ураган, обломанный ливень с трескучим градом, всё и всюду металось, трепетало, казалось гибнущим, в доме у нас закрывали и завесили окна, зажгли «страстную» восковую свечу перед чёрными иконами в старых серебряных ризах, крестились и повторяли: «Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф!».

Современная литература, став плоской, давно испытывает онтологический голод. Скользя по поверхности жизни, она не погружается в существо её. Отсутствие в литературе метафизического измерения ощущает и читатель, уставший от праздного веселья и пошлой житейской «мудрости».

Бог — первопричина красоты всего мироздания. Русское искусство это знало всегда. Первое слово, напечатанное для славянских народов, было Слово Истины. Это запечатлелось в душе и сознании русского народа. Он впитал это и запомнил на все времена.

«Вначале было Слово, и Слово было у Бога...» Вот эта серьёзность и онтологичность Слова определили нашу культуру как словообразующую, как смыслообразующую.

«Будьте как дети...», — говорит Христос. Ибо детство — это чистая, незамутнённая страстями-мучителями природа человека. Вера ребёнка чиста. «Зло созерцается не в естестве созданий, — пишет преподобный Максим Исповедник, — но в погрешительном и неразумном их движении».

В природе ребёнка нет зла. Зла и Бог не создавал. Оно явилось в свободной, тварно-конечной человеческой воле.

Писатели, чьё творчество мы анализируем, понимали, что детство — это время невольного или, скорее, органичного самознания, узнавания и понимания своего места в мире. О, как много зависит от переживаний, впечатлений, полученных в детстве! Особенно для судьбы художника.

Иван Перверзин возвращает русскую литературу через непосредственные и живые переживания ребёнка в лоно богоданного восприятия мира.

«А плавать на лодочке, любовно называемой «веточкой», мне сразу же понравилось настолько, что я всё больше и больше времени отдавал речке. Во-первых, гребя размеренно и попеременно двухлопастным веслом, упрямо поднимаясь вверх по течению, я проявлял при этом огромное количество усилий, когда мышцы, словно натянутые струны, звенят от напряжения, когда жарко хватаешь ртом раскалившийся за день от яркого солнца воздух, как пойманная и вытасченная на берег рыбина, когда не понять, какой уже по счёту солёный пот, как ливневые струи, напрочь застилают глаза, мне становилось так торжественно радостно, что хотелось во весь

голос петь. Во-вторых, поднявшись до самого большого в округе — примерно километр в диаметре! — озера Круглого, полнотью открытого человеческому взору извне, то есть как бы лежащего на ладони, ибо вокруг него, кроме вездесущих на севере камышей да ободострой, как кинжал, осоки, никакой другой, более крупной растительности, к примеру, сосен или берёз, почему-то не росло, я оказывался в такой умиротворённой природной тишине, нарушаемой лишь всплесками воды от играющей рыбы, что невольно хотелось от охватившего душу покоя погрузиться в глубинное раздумье, словно предчувствовал, что, когда вырасту и стану писателем, это будет моим обычным природным состоянием».

Когда Иван Бунин пишет «...что сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, из чего создан мир», он как бы говорит, повторяя за святыми отцами, что в тайне творения Своим замыслом присутствует и Сам Творец.

И детское переживание умиления от соприкосновения с живой природой у Ивана Перверзина воскрешает слова Великого отца Преподобного Исаака Сирина: «Умиление есть возгорание сердца о всём творении»...

Сложность или, точнее, свыше данная богатая природа человека, говорит о божественном отпечатке на ней. Человек носит на себе начатки всей вселенной, он соотносится с ней, логосы всего бытия находят в нём своё отражение. Поэтому святитель Василий Великий говорит: «Нет нужды искать следов Зиждителя в устройстве Вселенной, но в себе самом, как в малом мире, ты усмотришь великую премудрость своего Создателя».

В другом месте святитель Василий Великий прямо говорит, что «душа есть подобие неба, так как в ней обитает Господь; плоть же составлена из земли, и в ней обитают смертные люди и бессловесные животные».

А раз есть смертные люди, по Василию Великому, стоящие в одном ряду с бессловесными животными, то, значит, есть и бессмертные! Из этого утверждения видно, что образ Божий в человеке не есть субстанциональное качество, что-то заложенное и уже готовое в дивном складе человека. Это есть как раз задача, необходимость через творчество раскрыть в себе своё творческое начало.

Вот как описывает Иван Перверзин жизнь своей матери, которая уподобившись первым человекам, украшает совершенно естественно райский сад, оставленный Творцом, прикладывая к этому немало трудов и вовлекая всё семейство:

«Моя мать, Нина Петровна, была очень большой любительницей разнообразных, заботливо выращиваемых в домашних условиях цветов. Обычно сажала их в небольшие глиняные горшки и потом украшала ими все сделанные плотниками специально широкими подоконники. Самые же крупные и раскидистые, словно небольшие лесные деревья, высаживала в кадучки, которые отцом устанавливались на обычных табуретках возле гостиных и кухонных окон, через которые в летнее время видимым потоком чуть ли не до противоположной стены лился яркий солнечный свет, оставляя на крашеном дощатом полу сполоховое свечение... Каждое растение имело свой срок и окрас цветения. Поэтому даже суровой зимой, хоть в одной комнате, но наступала «весенняя» пора с нежным ароматом, исходящим от растений. Но этого вполне хватало в растениеводство матери явно не хватало. Ближе к весне она на обыкновенной пустой бутылке крутила из газет своеобразные стаканчики, которые заполняла ещё с осени запасённой и хранившейся в подполе перегнойной землёй и сажала в неё семена сезонных цветов. В самом начале лета, когда можно было не бояться внезапных ночных заморозков, высаживала уже подростки цветы в прямоугольные ровные грядки, которые я по её строгой просьбе старательно вскапывал в огороде. И даже на летней веранде, служившей с весны и до середины осени столовой, сбитые отцом вдоль наружных

стен узкие короба мать сеяла непокорный, непрерывно стремящийся вверх, к солнцу и дождевой влаге, вьюн. И он в течение месяца по натянутому шпагату вымахивал до самого потолка, надёжно защищая веранду от жгучих солнечных лучей, прогревавших вешний воздух до тридцати пяти градусов».

С молоком матери писатель впитывал это бережное отношение к окружающему миру, ибо Бог устроил этот мир как некое отображение надмирного мира, чтобы нам через духовное созерцание его, как бы по некоей чудесной лестнице достигнуть другого мира. «Всё от Бога имеет своё бытие и существование, — говорит преп. Симеон Новый Богослов, — и всё прежде бытия находится в Его творческом уме; первообразы всех вещей находятся там внутри», и внимательный взгляд ребёнка прозревает этот идеальный мир своим чистым зрением. Чтобы не внести порчи и зла в самый замысел Божий о мире и чтобы объяснить возможность тварно-свободной жизни в мире, надо для правильного решения космологической темы в творчестве признать существование «двойного лика в идеальной форме: есть идеальная сторона в космосе, принадлежащая ему и следовательно сотворённая, но есть идеальный образ мира и в Боге, сопринадлежащий Его трансцендентному бытию», — говорит святитель Григорий Палама. — Бог трансцендентен не только реальной, но и идеальной стороне космоса».

Но писатель Иван Перверзин не останавливается только на созерцательном аспекте в восприятии мира, для него важно совместить свои духовные переживания, переживания красоты и гармонии жизни, а красота — понятие духовное, она есть воспоминание о Рае, с самой жизнью, чтобы не оказаться в состоянии Стивена Дедала, впадшего в гордыню, или Тонио Крёгера, не находящего путей отождествления жизни и искусства.

И здесь важно отметить несколько аспектов в творчестве писателя Ивана Перверзина.

Постижение природы, её живых явлений. Растворение и отождествление себя с ней в умиленном, созерцательном восприятии...

Наблюдение за своими внутренними душевно-духовными и психофизическими состояниями...

Послушание отцам и дедам, принятие традиции народа и существование в ней, ибо традиция и есть сама жизнь, организованный, упорядоченный мир, противостоящая хаосу ложных представлений и искажённой жизни...

«Я, забывшись в угол своей гостевой комнаты, где провёл столько счастливых дней, то немного успокаиваясь, то вновь, по-ребячески хлюпя сопливым носом, плакал. Плакал так горько, как можно только плакать при потере очень любимого и дорогого человека...»

Когда я стал учиться в кангаласской школе, то дорога из дома в посёлок Капитоновка к школе проходила мимо кладбища, вдоль самого подножья могильной сопки. И я очень часто, особенно с ранней солнечной весны до дождливой осени, в глубоком одиночестве приходил навещать своего дядю. В грустной, тягостной тишине, нарушаемой лишь тихим пением сладкоголосых птиц, бережно клал на могильный холмик букет полевых цветов, сорванных по дороге на одном из многочисленных аласов. С сильной горечью и острой болью снова и снова переживал потерю родного человека — и мне неумолимо казалось, что после каждого посещения кладбища я становился взрослее...»

Маленький Ваня сталкивается с несправедливостью жизни и самой смертью, которая открывает ему совершенно другое, глубинное измерение человека и его призвания. Господь творит человека от презыбтка Своей Любви с целью сделать его участником божественных благ. После премудрого создания мира и выполнения всего творческого плана во всех деталях осталось увенчать это творение. Всё богатство твари было уже готово, но не было ещё того, кому всем этим пользоваться, так и был сотворён человек...

Наш маленький герой видит через события жизни трагическое начало в человеческой судьбе, избравшей не доброе, исходящее от Бога, а злое, посеянное Дьяволом в этом мире. Он чувствует, что человек не только принадлежит Богу, но в своей судьбе может избрать зло.

«Уже в летящем над бескрайними таёжными просторами якутской земли пассажирском двухмоторном самолёте я держал на руках заботливо завернутого в пелёнки и тёплое одеяльце своего нежданного, но такого родного «братишку», с глубокой, не сразу проходящей грустью откровенно думал о превратностях жизни человеческой. В общем-то ошеломляющая правда, неожиданно услышанная от отца о старшей сестре Тамаре, в один миг сделала меня не только взрослее, но и мудрее. О насильнике и бывшем зэке, отсидевшем за убийство на Крайнем Севере пятнадцать лет, я если и думал, то без мстительной обиды и жёсткой мести. Пусть сегодня он живёт счастливо, сумев назло судьбе создать семью, обзавестись дочками-красавицами. Пусть!.. Но как когда-то страшный карающий меч правосудия настиг его, так и за то, что он сделал с моей старшей сестрой, уверен, незримый меч Божий неотвратимо и жестоко покарает его! Иначе быть не может — по определению свыше...»

Ваня не судит насильника, а премудро оставляет этот Суд Создателю. Он чувствует всю сложность и трагичность взрослой человеческой природы, представляющей собой неразгаданную тайну. Насколько трудно определить то самое существование и вместе с тем сокровенное, что есть в человеке, — есть божественный образ. «Кто уразумел свой собственный ум? — спрашивает святитель Григорий Нисский. — Уразумели ли люди себя самих?». Если нельзя познать Первообраз, то и образ этого Первообраза, то есть сам человек недоступен уразумению.

Тем не менее мы призываемся к внутреннему самоуглублению, к напряжению своего духовного взгляда, в сокровенный мир нашей души. Трудно постичь внутренний смысл, сокровенный замысел нашего создания, но если углубиться в созерцание своей внутренней сущности, то нам не может не открыться «некое устроение страшное и неудобнообъяснимое, содержащее в себе изображение многих сокровенных тайн Божиих» (Святитель Григорий Нисский).

Отсюда берёт своё начало переверзенский символический реализм! И ничто не должно служить запретом искать эти отображения бытия. Искать их надо в той стороне человеческого бытия, по которой они отличаются от природы, то есть в разумной сфере. Сказано же: «...душа есть подобие Божие, и поэтому всё чуждое Богу не входит в определение души, так как в вещах различных не может сохраняться подобное», — говорит Святитель Григорий Нисский.

Здесь мы приблизились к третьему и главному аспекту спасительной для современного времени прозы писателя Ивана Перверзина — послушание отцам и дедам, принятие традиций народа...

«В ста метрах от дома лесника начинался густо поросший мелколесьем и кустами разнообразных ягод глубокий распадок. Он на протяжении почти километра уходил к самой вершине сопки, на которой рос сосновый и лиственный лес... Со стародавних времён, ещё до приезда русских, местное население каждой ранней весной семьями на всю зиму заготавливало в этом смешанном лесу дрова. Деревья валили при помощи двуручных пил, ветки крон остро наточенными топорами обрубили и складывали в кучи, чтобы поздней осенью с выпадом первого постоянного снега сжечь. Стволы этими пилами распиливали на чурки определённой длины и, расколов их колуном на несколько частей, складывали в длинные, но не выше полутора метров поленицы. В течение короткого северного, но очень жаркого, порой даже знойного, как в азиатской пустыне, лета заготовленные дрова высушались до такой степени, что при растопке печи вспыхивали как порох, а с весёлым треском

загреть, выделяли огромное количество тепла. После того, как сильный мороз сковывал в кость сутлинистую, а местами даже болотистую почву, а распадок заваливало большим снегом, к лесным делянкам для вывоза дров поселковые мужчины согласно торили конными санями дорогу»...

Без соборного сознания и без соборного труда на Севере человеку не выжить. Не выжить и плохому человеку среди суровой природы. Этот общий труд, общенародное дело направлены на сбережение и сохранение жизни.

«Оглядываясь в памяти на тот период своей жизни, скажу честно, мне совсем не было обидно от того, что в то время, когда я под палящим солнцем, атакуемый со всех сторон проклятыми комарами и мошкаррой, не разгибался с утра до позднего вечера, а мои счастливые сверстники в это время рядом, за рекой — в каких-то двухстах шагах от меня — играли в любимые игры: футбол, лапту, городки, купались с весёлым шумом, визгом в реке, загорали на тёплом, даже горячем береговом крупнозернистом песке, со слюдяными чешуйками, блестящими на солнце, как маленькие серебряные звёздочки, предусмотрительно укрывшись от комаров специальной лёгкой и мелкой сеткой. И сейчас, спустя более полувека, я об этом нисколько не сожалею... О той трудной, но, можно сказать, судьбоносной поре я спустя несколько лет написал... стихи:

Снова дождик прошёл стороной,
Не видать ни росинки на льде,
Каждый лист увядает быстрой,
Засыхает с мечтой о воде...

Это всё — у великой реки,
Это — рядом с фарватером дней...?
Близки всходы, но так далеки
От прибрежных зелёных камней.

Я с ведром упаду на меже,
Непосильной работой убит,
Точно ратник, чья кровь на ноже,
В нужный час,
словно дождь, прошумит...»

Всю свою человеческую и писательскую жизнь Иван Переверзин осознаёт загадочность человека и трагизм его природы, жертвы постоянных конфликтов и контрастов. Как естество глаз не может себя видеть, так и человеку себя не узнать и не разгадать. «Легче узнать небо, чем самого себя», — говорит святитель Григорий Палама. Настоящая и глубокая литература, не может миновать эту иероглифичность человека. Это «познать самого себя» останется навсегда неразрешимой загадкой. Но ключ к её разрешению лежит в нашем младенчестве и отрочестве, когда рождается «портрет художника», который, уподобляясь Творцу, будет способен создавать новый мир, подобный образу преходящего мира, но отличающийся от него своим бессмертием, запечатлённым в слове...

«Так наша семья оказалась за сто километров... в старинном посёлке охотников, лесозаготовителей и сельхозников Нюя, вытянувшимся вдоль реки могочей, величественной Лены, на её высоком, крутолобом песчаном берегу со своими рублеными в лапу из медных сосновых брёвен домами-пятистенками, с узорчатыми крашеными оконными рамами и ставнями, с побелёнными палисадниками, в которых росли берёзы и всевозможные ягодные кусты, а также рябина и черёмуха, особенно красивая в своём белом весеннем наряде из распутившихся с жаркими июньскими лучами духмяных цветов. Мне бы радоваться новому месту жительства, новым друзьям, новой прекрасной школе... но я долгими вечерами, как заговорённый, всё вспоминал и вспоминал капитоновское житьё — слишком много и хорошего, и плохого было связано с ним, но главное — всё и хорошее, и плохое оказалось для меня судьбно-определяющим и потому таким незабываемым, таким до сладкой боли дорогим по сей день. И, может быть, без родной Капитоновки я не стал бы тем, кем ныне стал, и, может, вообще не дожил бы до дней сегодняшних, пусть

и не могу однозначно назвать их счастливыми... Незабвенная Капитоновка — изначальное вдохновенное начало жизни моей — и иной жизни мне не надо! Это великое, дорогое чувство я, назло убегающему времени, став известным поэтом, постарался выразить во всю силу ниспосланного мне самим Господом таланта...».

Любовное и почтительное отношение к человеку, светлый взгляд на его вечно прославленное состояние и вообще на его высокое назначение характерно для Ивана Переверзина. Он концентрирует внимание современной литературы на теме о разумности человеческой природы, о божественном происхождении души человека и о его конечной судьбе. К сожалению, этот символический реализм как особое мировосприятие, свойственное творчеству Ивана Переверзина, медленно принимается и усваивается современными писателями. Это мировоззрение раскрывается, опираясь на опыт классической русской литературы, в особенности девятнадцатого века, как совершенное и абсолютное откровение о мире как Всеедине Целом, как о мировой гармонии, объединяемой и охватываемой Любовью.

В творчестве писателя этот божественный прекрасный космос, пронизанный лучами Божества, логосами, отражается в каждой части мироздания, в каждой капле этого мира, отражается весь, повторяется бесчисленное количество раз, воспринимается логосами человеческими, ему сообразными и объединёнными тоже силой любви. Особенное и чудное видение, которое можно охарактеризовать как космическое общее дело. Всё живое сливается в едином хоре оды «К радости».

Хрестоматийный взгляд привык говорить о человеке как о «микрокосме», но у Ивана Переверзина, который в акте творческого познания «вскрывает» этот мир (слово Ивана Переверзина — прим. автора), в символически-реалистическом восприятии человека и мира это слово приобретает настоящий смысл. Всматриваясь в человека, Иван Переверзин видит в нём весь мир, всё мировое Целое, всё премирное, добытийственное и проникает в то, что доступно художественности человеческого умозрения. Его не интересует натуралистическая психология всех времён от древних философов до школьных психологов наших дней. Писатель Иван Переверзин не придаёт этому никакого значения. Не вопросы памяти, внимания, восприятия, ассоциаций и прочие волнуют его, он в движении своих героев исследует подлинное устройство человека, которое может быть воспринято только символически-реалистично. Это тот особый язык небесных откровений, который воспринимается не школьно, не теоретически, а внутренним ощущением, «онтологическим катарсисом» ума и души. (Вспомним слова Д.С. Лихачёва. Он говорил, что сказки Пушкина влияют на душу ребёнка так, как вся педагогика вместе взятая). Это художественный язык, понятный только людям, наделённым талантом прозрения, которые за видимыми вещами чувствуют присутствие мира иррационального, бессмертного, говорящего об иной действительности, отражением которой в нашей душе и природе являются феномены детской психологии.

В высшем же смысле творчество Ивана Переверзина заключается в том, чтобы «вскрывать» эту жизнь, возвещая читателям о её неизмеримых глубинах. Святитель Григорий Палама прямо об этом говорит, словно определяя возвышенную задачу для писателя: «Разумная природа человека пришла в бытие, чтобы богатство божественных благ не осталась втуне».

Разрешение этой задачи служит средством внутреннего приближения к Богу и является одним из методов богопознания. Оно помогает внутреннему духовному опыту. Ибо человек остаётся криптограммой, которую рациональному сознанию не дано расшифровать...

Художественное слово Ивана Переверзина созидает живое существо, в котором приведены в единство невидимая и видимая природы. Творит некоторый второй мир, в малом великий...

Чижевский, каким вы его не знали

Выдающийся русский учёный Александр Чижевский был на редкость многогранно одарённой и энциклопедически образованной личностью. В науке его интересы охватывали биологию, геофизику, астрономию, химию, электрофизиологию, эпидемиологию, гематологию, историю, социологию

В последние годы многие любители искусства открыли для себя в Чижевском и незаурядного поэта-философа, писателя-стилиста, утончённого художника, знатока и ценителя музыки.

Научные поиски не ослабляли его художественное творчество, а, наоборот, способствовали в поэзии и пейзажах отражать его философские взгляды на мир, а поэтический дар — более успешной работе в области естествознания. Физик и лирик были в нём неразделимы. «С раннего детства, — вспоминал Чижевский, — я страстно полюбил музыку, поэзию, живопись, и любовь эта с течением времени не только не уменьшалась, а принимала всё более страстный характер даже тогда, когда корабль моих основных устремлений пошёл по фарватеру науки».

Именно про неё писал Алексей Толстой: «Ваши стихи являются плодом большой души и большого художественного чутья, а потому значение их в русской литературе весьма велико...

Никто из современных нам поэтов не передаёт лучше Вас тончайших настроений, вызванных явлениями природы. Со времени Тютчева в этой области большой пробел. Ваши произведения должны заполнить его».

Чижевского, как и Тютчева, можно назвать вдохновенным певцом природы. Природа в его стихах запечатлена в движении, смене явлений, пейзажи в его стихах проникнуты напряжением и драматизмом. Стихи Чижевского отражают его стремление познать противостояние жизни и смерти, противоречие предель-

Необычайная работоспособность, эмоциональность, постоянная связь с творческой мощью природы — всё это способствовало его поэтическому творчеству.

Уже в раннем детстве Чижевский обладал пылким воображением, которое переросло в тот внутренний огонь, о котором он позднее напишет: «И я всегда горел внутри! Страстное ощущение огня — не фигурального, а истинного жара было в моей груди. В минуты особых состояний, которое поэты издревле называют вдохновением, мне кажется, что моё сердце извергает пламень, который вот-вот вырвется наружу. Этот замечательный огонь я ощущал и ощущаю всегда, когда меня оседают мысли или чувство заговорит».

В лирике Чижевского отражён его богатый духовный мир, от природы он был наделён исключительным чувством красоты, меры, гармонии. Его лирические произведения наиболее полно передают душевное состояние, тончайшие оттенки переживаний автора. Здесь чётко вырисовывается и образ самого поэта, лирический мир которого необычайно разнообразен и многогранен.

Особенно следует выделить пейзажную

и беспредельного, коллизию конечного и бесконечного в человеке, природе, мироздании.

Все аспекты влияния космоса, в частности, Солнца на Землю и человечество отражены Чижевским в стихотворении «Галилей». Толстой написал: «Я не буду касаться других Ваших более чем удивительных по содержанию и виртуозному исполнению стихотворений... Их оценка может быть дана только в будущем».

В течение жизни Чижевским было написано несколько сот стихотворений и более тысячи живописных произведений в самой разнообразной технике: от масла и темперы до гуаши, рисунков цветными карандашами, пастели, акварели. Сохранилась лишь малая часть его живописных работ — около 400 акварелей, рисунков цветными карандашами, в основном периода 40-х — 50-х годов. Находятся они в разных городах страны: Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Тамбове, Караганде, Челябинске, Калуге, — Александр Леонидович и Нина Вадимовна имели обыкновение дарить картины друзьям, добрым знакомым, учёным. Основная часть сегодняшней коллекции картин Чижевского

хранится в фондах Государственного музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского в Калуге.

Самые ранние картины, написанные маслом на холсте, относятся к 1914 году и соданы в окрестностях Александровки — имения бабушки А.П. Невиандт на Брянщине. Несколько картин, написанных масляными красками, датированы 1937 и 1939 годами, в период его отдыха на подмосковной даче Кратово. Следующая серия (одиннадцать) уже акварельных рисунков выполнена Чижевским летом 1941 года в Щельково Костромской области в Доме отдыха актёров Малого театра.

Главная же часть акварелей (их более 150) написана Чижевским в период его заключения и пребывания в Ивдельлагере Свердловской области, в Кучино под Москвой, в Долинском и Спасском отделениях Карлага, а также во время ссылки в Караганде. Последняя картина датирована 1957 годом.

Картины и рисунки Чижевского, особенно лагерного периода, невелики, выполнены чаще всего на отработанной бумаге, но какая в них сила и красота!

Максимилиан Волошин говорил, что художник — глаза человечества. Действительно, пейзажи Чижевского заставляют

нас увидеть многообразие природы. Его картины вызывают ощущение радости жизни, красоты и величия окружающего нас мира. Живопись и поэзия неразрывно связаны друг с другом, образуют в творчестве Чижевского органическое единство.

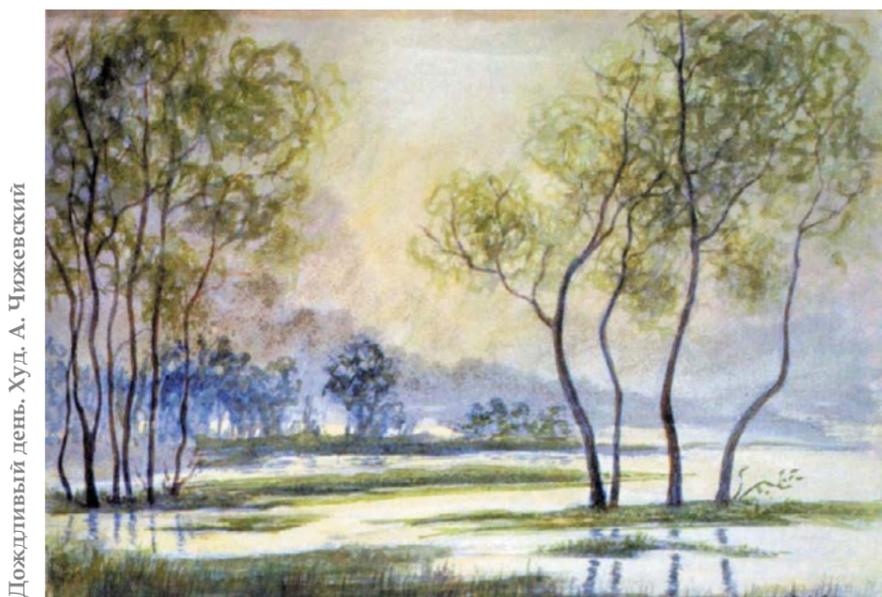
Органическая потребность познавать, отображать мир в стихах и красках помогли Чижевскому выстоять в нечеловеческих условиях, в которых он оказался в 40-х — 50-х годах. Не случайно между строк его стихотворения «Гиппократу» появилась такая запись: «5.1.43 г. Холод +5 С в камере, ветер дует насквозь. Жутко дрогнем. Кипятку не дают».

Стихи и пейзажи согревали его душу, помогали отвлечься от мрачной действительности. Работа души и мозга продолжалась, несмотря ни на что. И он выстоял, и с честью пронёс высокое достоинство русского интеллигента через все испытания.

Человек большой и щедрой души, твёрдо веривший в победу солнца над мраком, добра над злом, Александр Чижевский оставил нам замечательное духовное наследие, которое учит ценить прекрасное, любить жизнь и человека.

Людмила ЭНГЕЛЬГАРТ

Александр Чижевский

Дожливый день. Худ. А. Чижевский

«В науке я прослыл поэтом...»

Так, в бесконечности миров,
Есть жизнь, есть звери,
гады, люди,
У коих бьётся сердце в груди...
За это спорить я готов!
О, целый мир грядёт из тьмы —
Непостижим, но познаваем,
И если мыслят марсиане,
То они мыслят, как и мы.
Для нас, для них — один чертог —
Торжественный, закономерный,
И в бесконечности безмерной
Единый строй, единый Бог!..

Галилей

И вновь, и вновь взошли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.
И вал морской вскипел от колебаний,
И норд сверкал, и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний
Фанатики, герои, палачи.
И жизни лик подёрнулся гримасой;
Метался компас, буйствовал народ,
А над Землёй и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход.
О, ты, узревший солнечные пятна
С великолепной дерзостью своей,
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей!

***

Жить гению в цепях не надлежит,
Великое равняется свободе,
И движется вне граней и орбит,
Не подчиняясь людям, ни природе.

Великое без Солнца не цветёт:
Происходя от солнечных истоков,
Живой огонь снопом из груди бьёт
Мыслителей, художников, пророков.

Мой путь поэта безызвестен,
Натуралиста путь тревожен,
А мне один покой лишь лестен,
Но он как раз и невозможен.

Хотел бы я ходить за плугом,
Солишь грибы, сажать картошку,
По вечерам с давнишним другом
Сражаться в карты понемножку.

Обзавестись бы мне семьёю,
Поняв, что дважды два — четыре,
И жить меж небом и землею
В труде, довольствии и мире.

Тождество мира

Смотри на Солнце, милый друг!
Твой глаз смыкается лучами,
Бегущими что день над нами:
Ты видишь огнёмётный круг!
Заметь морщины на Луне,
Что, все ль они однообразны,
Иль между ними есть и разны:
Скажи: высоки ли оне?

Жаркий день. Худ. А. Чижевский

***
О беспредельном этом мире
В ночной тиши я размышлял,
А шар земной в живом эфире
Небесный свод кругов вращал.

О, как ничтожество земное
Язвило окрылённый дух!
О, как величие родное
Меня охватывало вдруг!

Непостижимое смятенье
Вне широты и долготы,
И свет, и головокруженье,
И воздух горной высоты.

И высота необычайно
Меня держала на весу,
И так была доступна тайна,
Что я весь мир в себе несусь.

Там, притаившись на мгновенье
В испуге свёрнутым клубком,
Трепещут тени, как виденье,
И снова катятся, как ком!

Они летят стремглав в низины,
Вытягиваются и дрожат,
Врезаясь в чащи и стремнины,
Тревожа сон нагорных стад.

А солнце гонится за ними
Всё дальше, глубже, в тьму долин,
Вбивая стрелами своими
Во мрак победоносный клин.

Туман редет вдоль потока,
И тени мечутся на нём,
Как бы прибежища у рока
Ища меж влагой и огнём.

Но луч всесветный, всемогущий,
Разящий в мраке и во мгле,
Влетит в последние их кущи
И тени привоздит к земле!

***

В науке я прослыл поэтом,
Среди поэтов — я учёный,
Увы, не верю я при этом
Моей фортуне золочёной.

Без воздуха и смертному не жить,
А гению бывает мало неба:
Он целый мир готов в себе вместить,
Он, сын Земли, причастный к силе Феба.

Тщета

В необозримой урне мирозданья
Покоится таинственное море
Горячих слёз,
пролитых на Земле...
Но тщетны все стенанья человека:
Они вспорхнут, как призраки,

над бездной
В дымящихся, плавающих одеждах,
Над морем слёз взвоятся высоко
И, растворясь,
исчезнут во вселенной.
И море слёз, чистейших слёз людских,
Бескрылый их полёт не отразит.

Бесконечности

Даны нам бесконечности на небе:
Пространство внеземное бесконечно,
И звёзд числа вовек не перечтёшь.
А на земном пределе беспредельны:
Пучиной вод —
моря и океаны,
Песком зыбучим — жгучие пустыни
И жгучей скорбью —
сердце человека.

***

В смятенье мы, а истина — ясна,
Проста, прекрасна, как лазури неба:
Что нужно человеку? — Тишина,
Любовь, сочувствие и корка хлеба.

Мера жизни

Часами я сижу за препаратом
И наблюдаю жизни зарожденье:
Тревожно бьётся под живым субстратом
Комочек мышц — о, вечное движенье.

Движенье — жизнь.
Сложнейший из вопросов.
Но все догадки — все,
беспользны.
Возникло где?
Во глубине хаосов?
Пришло откуда?
Из предвечной бездны?

Бессилен мозг перед деяньем скрытым:
Завеса пала до её предела:
Здесь времена космические слиты
В единый фокус — клеточное тело.

Должно быть, жизнь — заведомая попытка —
В зародыше предвидит истязанье:
В равёртыванье жизненного свитка
Звучит по миру жгучее страданье.

Но страшны тоны сердца, и тревога
За бытие земное не случайна.
Да, мера жизни — это мера Бога
И вечно недоступная нам тайна.

Артавазд САРЕЦЯН

Поэт, прозаик, публицист и переводчик. Живёт в городе Сухум (Абхазия). Автор двенадцати книг прозы и поэзии, в том числе избранных произведений в двух томах. Учредитель и издатель газеты «Литературный Амшен». Сегодня мы предлагаем вашему вниманию его рассказ.

*Покаяние, тебя грех родил,
Или ты родило все грехи земли?*

А.С.

Через несколько дней после того, как я немного пришёл в себя от пережитого шока, мой старый друг Ашот, врач с большим стажем, навесил меня в Сухумской больнице. Он сел рядом и заговорил... моими стихами:

— В рубашке ты родился,
в рубашке счастья...

Да, старик, тебе очень повезло. И на этот раз Бог миловал тебя, он был на твоей стороне, — Ашот явно намекал на мою госпитализацию несколько лет назад. — Боженька с честью вышел из сложнейшей ситуации, в которую ты его бессовестным образом загнал. Представляю, как ему, бедняге, пришлось попотеть, пока тебя вытаскивал с того света! Ты же должен был умереть! Ты просто был обязан умереть! Нет, не в больнице, а ещё когда шёл домой, или дома, или, на худой конец, по дороге в больницу!..

Он помолчал немного, перебирая в руке сложенные в гармошку листы моей кардиограммы... Рисунок на ней в виде подъёмов и спусков — как и дорога моей, возможно, не совсем ещё длинной жизни. Потом вздохнул:

— Так недвусмысленно говорят почти прямые, будто проведённые фломастером чёрные линии твоей кардиограммы...

... В тот день около шести часов вечера мне неожиданно стало плохо в маршрутном автобусе, который уже подъезжал к нашей остановке. Моё сердце вдруг нервно-тревожно затрепетало, как выброшенная из воды форель с кроваво-красными крапинками на чешуе, беспомощно бьющаяся в агонии на берегу...

На «автопилоте» я вышел из маршрутки и кое-как побрёл к своему дому, по пути краем глаза успев заметить удивлённый

взгляд соседа Самвела, — удивлённый, потому что я не остановился перед его калиткой, чтобы несколько минут поговорить с ним о том о сём, как бывало обычно... Я даже не поздоровался, а буквально потащил своё тело дальше, задним умом сообразив, что если вдруг остановлюсь, то врежусь в землю как электрический столб и больше никак не смогу оторваться...

Где-то в конце улицы, на повороте, как будто смутно показавшись силуэт моего сына Айка...

А может быть, мне это просто показалось, потому что я очень хотел видеть его?.. Точно, показалось: Айк недавно был призван на военную службу и никак не мог оказаться на нашей улице.

Не чуя ног, совсем без сил, затолкал я своё почти бесчувственное тело в комнату и с грохотом уронил на выдавший виды диван...

Мои руки и губы были какими-то странно мягкими и лёгкими...

Я попытался покусать губы, чтобы привести их в чувство. Я очень старался, и покусать как будто получилось, а вот привести в чувство — ну никак!.. Потом начал освобождаться от уже невыносимой,

какой-то лишней и ненужной тяжести всё остальное тело, готовое вспорхнуть, как евтушенковская «пуховая серёжка ольховая»...

Лежал я на диване и ощущал себя чуть живой, дрожащей на чьей-то ладони серёжкой, которую можно... сдунуть, и без меня «всё окажется в мире не так...».

Буквально через несколько минут прибежали соседи — вслед за моей женой, работавшей в огороде. Я, кажется, попросил, чтобы сосед Эдик и зять Шаварш (на моё

явственно чувствовал её свёртывание. Кровь густела... и одновременно страшная боль всё сильнее и безжалостнее сжимала моё сердце со всех сторон. Громадой боли билось оно во мне и, вздувшись стучками ещё несвернутой крови, вдруг сжалось до бесконечно малой точки вселенского начала...

Я хорошо помню, как сказал врачу — и сказал на удивление очень спокойно, как нечто обыденное (хотя жена почему-то утверждает, что я лежал «тише воды, ниже травы», иногда издавая лишь глубоко-

одновременно), смотрел на свою жизнь, сконцентрированную в этот шестичасовой промежуток времени, отпущенный для осмысления пройденного мною пути.

Ну почему же всё так скоро?! Ну почему всё так — вдруг?!

Вот так — я сам перед собой, без посредников. Один на один со своей памятью и совестью.

Наверное (нет, точно!), именно в эти трагические минуты Бог рождается в человеке, когда он остаётся один на один с

Однажды в человеке родится Бог

Артавазд САРЕЦЯН

непридуманная история

счастье, совершенно трезвые!) удержали меня от... воспарения в воздух...

Я и сейчас ещё помню, как недвусмысленно переглянулись они, как расширились их глаза, когда оба начали руками прижимать меня к дивану, одновременно лихорадочно массируя мои руки...

На удивление быстро приехала «Скорая помощь». Медики сделали необходимые уколы и повезли меня в больницу, где сразу же поместили в реанимационную палату. Более шести часов врачи и медсёстры боролись за мою жизнь. Более шести часов врач Алина ни на минуту не отходила от меня, буквально на коленях стоя перед моей койкой... Возможно, она колдовала надо мной... Нет, она действительно колдовала, потому что сказала жене, что «вся надежда уже на Бога, а мы сделали всё, что могли», — это жена потом уже поделилась подробностями происходящих вокруг меня событий.

Напичканный капельницами, лежал я и буквально срастался с болью, которая всё больше и больше охватывала область сердца. Мне казалось, что кровь медленно, очень медленно накапливается в моём сердце и так же медленно, очень медленно густеет. Я

как стон), — так вот, я сказал врачу, что сейчас... лопнет моё сердце. Как лопаются до предела надутый детский воздушный шарик... А может быть, оно взорвётся, как граната, или даже как атомная бомба, сброшенная на Хиросиму...

Нет, мне совсем не понравилось моё же сравнение с разрушительным потенциалом атомной бомбы: моё сердце взорвётся, как та, до бесконечности малая, почти невидимая точка, которая родила нашу неповторимо прекрасную планету...

Я лежал неподвижно, уже до последней клеточки окованный болью, и, кажется, о чём-то всё время мучительно думал, что-то искал. А может, мне казалось, что я о чём-то думаю и что-то ищу. Нет, всё же соглашусь, что я ни о чём не думал, потому что не мог думать — у меня просто не было сил для этого...

Во мне не осталось даже чувства страха, от которого округляются глаза, потому что боль вытеснила все остальные чувства или просто притупила их на время... Хотя какая, в конце концов, разница — вытеснила или притупила?

Я смотрел на себя со стороны (странно, но я действительно видел себя со всех сторон

самим собой. Именно в эти минуты человек предельно откровенен. Он не может не быть откровенным. Не получится, даже если очень будет стараться. Это — вне власти человека...

Вот оно — детство, полуголодное, холодное, но всё же такое счастливое, пропитанное дымом костра, на котором мама готовила кашу из крапивы, с добавлением кукурузной муки, мяты и чеснока. О, этот мамин костёр, согревающий солнце!.. Да, я с детства знал, откуда солнце берёт своё неиссякаемое тепло!

...Вопрос из будущего:

— Ты плачешь?

Ответ из детства:

— Нет, это дым мамино костра
разъедает глаза...

Мама говорила, что дым очищает глаза, чтобы человек видел лучше. Нет, не лучше, — чтобы человек видел всё и хорошо. Хотя народная мудрость гласит, что «один глаз человека не должен видеть, одно ухо не должно слышать». Но мне казалось, что дым мамино костра в большей степени очищает душу...

Выживший в пурге

Это плачет моя душа...

Я чувствовал, что времени у меня оставалось всё меньше. И всё больше усиливалась боль. Лихорадочно и тревожно, как шахматист в цейтноте, я искал... и не находил ничего, связывающего меня с моим земным продолжением.

Ничего не оставалось, кроме как констатировать факт: моя жизнь уже прожита. Слабо утешала мысль о том, что я прожил её честно, открыто, без обмана. По крайней мере, старался жить именно так. Должно быть, удалось. Но почему же невыносимая тревога выворачивает наизнанку мою душу? Почему? Видимо, что-то в моей жизни было не так, что-то не получилось, как хотелось бы, как я думаю... Но что же именно? Я вдруг явственно услышал: «Ты однажды обидел маму!».

И — о чудо! — в тот же миг в моих венах приливом стало нарастать пламя, растопляя кровь застывшую мою, пожар которой, словно лава в кратере, забурлил в каждой клетке.

Наступило тяжёлое, суровое, безжалостное успокоение... На один миг. Пока всего лишь на один коротенький миг... Но ведь успокоение! А потом медленно-медленно — но уже всё больше и больше...

Вслед за успокоением пришёл страх. Он пришёл, когда ко мне вернулась способность (точнее, возможность) думать, когда боль стала медленно, очень медленно уходить из меня, освобождая место страху, ибо мне довелось пройти повторно дорогу, ведущую ТУДА...

И чем меньше оставалось боли, тем сильнее нарастал страх, увеличивался до дрожи во всём теле, в которое потихонечку возвращалась тяжесть... Очень странное чувство — ощущение возвращения тяжести собственного тела.

...Я так до сих пор и не знаю: когда и как обидел маму? И почему обидел? И вообще, обижал ли?

А может быть, она так спасла меня? Я не знаю. Пока не знаю.

Но обязательно найду ответы на эти тяжёлые вопросы, ибо мне отпущено время... Возможно, и для покаяния...

Ведь однажды в человеке должен родиться Бог.

***

Вот уже много лет — непременно по выходным, в субботу или воскресенье, — я поднимаюсь на Лечкопское плато... Иду мимо роддома, Республиканской больницы, потом мимо ГАИ и военного городка российской базы... Там, на возвышенности, — большое старое кладбище, где похоронены мои родители. Говорят, нельзя так часто тревожить умерших (плохая примета), для этого есть специальные дни. Не знаю, может быть.

Но я не могу иначе, я обязательно должен навещать родителей. Это стало своеобразным ритуалом, смысловой частью моей земной жизни и частью небесной жизни моих родителей — и эти две части срослись до взаимопроникновения.

На кладбище я всегда поднимаюсь пешком, и это тоже неизменно. Иду медленно, не спеша, размышляя о прожитых после предыдущего посещения днях, как бы подводя итоги за «отчётный период». Ещё немного — и вот она, ограда (мои сыновья, Аик и Тигран, окрасили её в чёрный цвет). Вот насыпной холмик — один на двоих... И на двоих одна памятная плита со знакомыми именами.

Здесь чисто, аккуратно...

Я сажусь на землю рядом с холмиком и зажигаю свечу. Она медленно горит и трепетно, словно живая, истекает расплавленным воском, как истекает слезами моя душа... Потом раскладываю рядом фрукты, зелень, овощи, открываю «Изабеллу» — домашнее ароматное вино, кроплю им лепёшку, приготовленную женой, а остаток выливаю на холмик. Всё это из нашего сада, разбитого много лет назад моими родителями. Ничего покупного. Так у нас принято: обеспечивать семью продуктами, выращенными своими руками.

И ещё у меня есть Слова, — в моей душе пока много нерастратченных слов, которые сыновья произносят своим родителям молча...

Этот парень навёл шороху: пять суток вся страна, затаив дыхание, следила за новостной лентой. Обнадеживающей информации практически не было. И даже когда сообщали, что он дал о себе знать, или, как было сказано, подаёт признаки жизни, это вряд ли могло утешить: бушевала пурга, и из-за нелётной погоды спасательная операция всё откладывалась. Шансы выжить у него уже сводились к нулю. Жена объявила вознаграждение тем, кто найдёт её мужа...

А вылет спасателей всё откладывался и откладывался. Пурга стихла на пятые сутки...

В соцсетях тем временем поползла информация, что парня нашли охотники. Да не-е. Дело было так.

Когда Robinson потерпел крушение и стало ясно, что спасатели не скоро до него доберутся, друзья друзей Новосельцева, ребята из села Сасыр, что примерно в тридцати километрах от места крушения, выехали к нему на «буранах». Герои, что ещё скажешь! Они же пробивались сквозь в пургу, прихватив с собой одежду, палатки и прочее, чтобы можно было с ним переждать непогоду. И добрались — одновременно с вертолётом спасателей. Помощь шла к нему с двух сторон. Слава богу! Хороший, видать, у парня ангел-хранитель...

— Интересная фамилия у вас, Александр, — сказала я, намекая на фильм «Служебный роман», где главный герой, как мы помним, носил фамилию Новосельцев.

— Это фамилия деда, — ответил Александр. — Он её из Самары привёз.

Оказывается, деда нашего героя, чистокровного немца, в 1942 году репатрировали вначале в Омск, потом на Колыму. Скажете, русская фамилия?! Русская: уже в сороковом году немцы стали менять свои немецкие фамилии, видно, чувствуя, что им грозит опасность. Только вот от Колымы это дед Александра не спасло.

Впрочем, как знать. Может быть, благодаря Колыме и жив остался. А вот способность выживать в любой, даже самой экстремальной ситуации, видать, внуку своему таки передал...

В родном Среднеколымске у Александра небольшой бизнес: магазин. Бивнями, говорит, нет, не торгую, больше по части продовольствия. Да что бизнес! Он налажен, идёт себе и идёт. Там, дома, отличный отдых: охота и рыбалка. Кто с Севера, понимает, ох и вкуснящая в Колыме водится рыба! Надо, говорит, будет в гости заехать к сасырским ребятам. Денег они не возьмут, — обидятся. А вот рыбки привезти да спасибо сказать, — само то: своей рыбы-то у них нет!

Ну и про вертолёт Robinson. Он — Сашин, собственный, мечта! Парень купил его в Воронеже. Жаль, говорит, машину, но восстановить её, увы, невозможно. Слава Богу, застрахована. Ну и шут с ней. Главное, сам живой. Ничего страшного, говорит. Всё нормально. Пара шрамов да синяк под глазом.

Молодцом, Александр, наш человек!

Вертолёт Robinson, которым управлял 44-летний предприниматель Александр Новосельцев из Среднеколымска, потерпел крушение в Момском улусе Республики Саха. «Окончился летний сезон, — говорит Александр, — и я собрался на зимовку к семье. Они у меня там, на юге», — и образно машет рукой в сторону, будто там юг. Путь лежал в Якутск, где он хотел поставить свой вертолёт в ангар.

Он всё знал про горы — летел не в первый раз.

И всё — про вертолёты: в своё время окончил Омское лётное училище гражданской авиации, лучшее в стране.

И то, что подобные катастрофы в 99 случаях из ста заканчиваются довольно печально, ему тоже было известно...

Но пурга накрыла внезапно. Представьте себе белый лист: внизу под тобой — всё бело, слева и справа — тоже, и наверху — сплошная белизна. Видимость нулевая. Пурга. Куда лететь, как — непонятно. Вглядываясь вперёд, Александр не видел абсолютно ничего из того, что подсказало бы ему, где он летит, где опасные горы, — ни одного ориентира. И вдруг его взгляд выпендил прямо перед собой тёмную точку. «Камень!» — мелькнуло в голове. «Скала!» — понял он.

Уверенным движением рук успел резко увести вертолёт в сторону, но машина потеряла скорость. Она опасно накренилась и с силой ударилась о землю. Александра трянуло, он ударился головой, послышался треск лопнувшего стекла...

Мда-а... Ничего не скажешь, жёсткая вышла посадочка. Вертолёт в хлам, но сам-то жив! И это на данный момент было главным: где-то там, на материке, ещё ни о чём не догадывались жена и сын. Мальчику всего-то одиннадцать лет...

Александр опасался, что вертолёт загорится, но когда обошлось, понял, что всё

будет хорошо, бояться нечего: теперь найдут. Вертолёт же не машина. Это машина могла б затеряться. А вертолёт найдут, обязательно! Вопрос только — когда... А непогода затянулась...

Из еды с собой у него было немного печенек, чуток карамелек и термос с чаем. Всё. Это на сутки.

Потом Саша ел... снег. Господи, да он же северный, среднеколымский, знает, как не пропасть. И — как есть снег: из ладоней. Да нормально, говорит, еда — не проблема, мог и дольше без неё продержаться. Точно, судя по хорошей спортивной форме, парень не из тех, кто любит поесть, а лишний вес в вертолёте не нужен. Поджарый-то он, поджарый, да что там говорить, пару кило скинул. И даже не пару. Да и это не страшно. Страшно другое — холода...

Ночью температура опускалась до минус одиннадцати, днём воздух прогревался до минус пяти. В лёгкой курточке и кроссовках такую погоду четверо суток не пережить. Костёр, чтобы греться, Саша решил развести прямо в вертолёте. А где ещё? Кругом снег да камень! Дровишек для него никто не припас, и в костёр пошла обшивка вертолёта. Вроде бы войлок, а всё же синтетика. Повалил густой едкий дым, — токсичная штука, должна вам сказать. Из-за этого пальцы Александра теперь чёрные, обожжённые, и это не грязь, — эту черноту не отмыть. Врачи поняли: интоксикация. Мог и отравиться. На-смерть...

После обшивки Саша уже жёг собственные кроссовки...

Холод заставил вспомнить, что есть тёплая детская курточка, — вёз в подарок. Пришлось оторвать у неё рукава: просунул в них ноги, замотал, — вышли торбаса...

Чтобы родник творчества стал полноводной рекой

Союз писателей России и благотворительный общественный фонд «Достоинство» при поддержке Министерства культуры Московской области провели в городском округе Ступино 2-й съезд писателей Подмосковья

Первый съезд писателей Подмосковья прошёл в 2015 году, — тогда на одной площадке собрались писатели, состоящие в разных творческих союзах, а также представители муниципальных литобъединений. И вот три года спустя состоялся второй съезд, в котором участвовало более 150 литераторов Московской области.

Официальные приветствия в адрес съезда направили: депутат Государственной Думы, писатель Сергей Шаргунов; министр культуры Московской области Оксана Косарева; председатель Комитета по вопросам образования, культуры и туризма Московской областной Думы Олег Рожнов; председатель Международного сообщества писательских союзов (МСПС) Иван Переверзин.

Вёл заседание заместитель

председателя правления МОО СПР Игорь Витюк, который рассказал, что в следующем году Московская областная организация отметит своё двадцатилетие. До 1999 года подмосковные писатели состояли в объединённой Московской писательской организации, а затем по требованию Минюста России создали подмосковную писательскую организацию, которую с 1999 года возглавляет известный русский поэт, заслуженный работник культуры России Лев Котюков. Витюк отметил, что всего в подмосковных муниципальных образованиях работает более

100 литературных объединений и клубов, насчитывающих более 3000 человек. За последние три года подмосковные писатели при поддержке Международного сообщества писательских союзов издали журналы «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова», «Московия литературная», одноимённую газету, а также ежегодный альманах «Золотая строка Московской области. Антология одного стихотворения» и альманах «Литературное Подмосковье». Также были выпущены антологии православной лирики «Наше бессмертие», «Казачий крест» и «Казачка».

Кроме того, в этом году впервые на книжном фестивале «Красная площадь» были представлены книги подмосковных авторов. На торжественной церемонии открытия съезда была отмечена успешная работа

областной писательской организации. Под аплодисменты делегатов заместитель министра культуры Московской области Инга Морковкина вручила Благодарственные письма Льву Котюкову, Владимиру Леонову, Алексею Зименкову, Сергею Антипову и другим, кто внёс большой вклад в подмосковную литературную жизнь.

По поручению председателя МОО СПР Льва Котюкова были отмечены знаками отличия председатель Ступинского совета депутатов Павел Челпан, глава Ступино Вера Назарова, глава города Видное Ленинского района Моисей Шамаилов, руководитель ЛИТО им. Ф.С.Шкулёва Ле-

нинского района Алексей Зименков и руководитель ЛИТО «Родники» города Ступино Владимир Леонов.

Приветствуя съезд, Павел Челпан сказал: «Люди нуждаются в красоте, и творцы прозы и поэзии должны нести свои произведения читателям, как родник несёт чистую воду лесам и лугам. Если подмосковные литераторы захотят провести у нас свой в следующий съезд, будем рады!».

Моисей Шамаилов рассказал, как администрация Видновского района даже в самые тяжёлые годы помогала литераторам. Совместно с Союзом писателей России была учреждена первая в Московской области литературная премия, стали проходить «Зубовские чтения» и ежегодные литературные семинары для взрослых и детей в Перedelкино.

После завершения пленарной части съезда были проведены семинары по прозе (руководитель – доцент Литинститута им. А.М. Горького Александр Торощев; ведущий – редактор военно-художественной студии писателей Минобороны России Владимир Шигин); поэзии (руководитель – Игорь Витюк, помощники – секретарь правления МОО СПР Владимир Леонов, руководитель секции драматургии и отдела по работе с творческой молодёжью МОО СПР Николай Антонов и руководитель ЛИТО г. Домодедово Александр Выврич); детской литературе и детскому творчеству (руководитель – Александр Торощев, помощник – руководитель детско-юношеской литературной мастерской «Слово» Ленинского района Алексей Зименков).

В рамках съезда была представлена выставка книг ступинских писателей, лауреатов губернаторских литературных премий им. Рождественского и Пришвина, изданий Московской областной организации и издательства «Серебро слов». Стены украшали картины из Ступинской галереи «Ника», а Ступинский квартет Ступинской филармонии исполнял классические мелодии. Всем участникам съезда вручили новый выпуск полноцветного альманаха «Литературное Подмосковье».

На мероприятии выступили ансамбль песни и танца «Русский стиль», оркестр народных инструментов Ступинской филармонии «Мелодия России», солистка Ступинской филармонии Светлана Мареева, а также поэт, композитор и исполнитель Сергей Евдокимов.

Алексей ПЛОТНИКОВ,
Оксана МОСКАЛЕНКО

Правление Московской областной организации Союза писателей (МОО СП) России обращается к членам организации с настоятельной просьбой погасить задолженность по уплате членских взносов за 2017-й и предыдущие годы.

Если до конца текущего года задолженность не будет погашена, то в начале 2019 года злостные неплательщики будут исключены из организации в соответствии с положениями Устава МОО СП России.

Размер годовых членских взносов (см. решение общего собрания МОО СП России от 04.11.2014) составляет 800 рублей, а для льготных категорий писателей (инвалиды, пенсионеры, ветераны войны,

боевых действий и труда, студенты очной формы обучения) — 200 руб.

Оплатить взносы можно в бухгалтерии МОО СП России по адресу: 121069, Москва, ул. Большая Никитская, д. 50А/5 стр. 1, комн. № 28, тел. +7 (495) 691-19-04, факс +7 (495) 690-20-05. Главный бухгалтер — Гарбузова Ольга Александровна.

ОПЛАТИТЬ ВЗНОСЫ МОЖНО И БЕЗНАЛИЧНЫМ ПЕРЕЧИСЛЕНИЕМ ПО РЕКВИЗИТАМ:

Получатель: Московская областная региональная общественная организация Общероссийской общественной организации "Союз писателей России"

ИНН 7703222634 КПП 502901001
Расчетный счет: 40703810438170100877
Банк: ПАО СБЕРБАНК Г. МОСКВА
Кор/счет: 3010181040000000225
БИК 044525225

Основание платежа: Членские взносы за _____ год за _____ Ф.И.О. _____

Примечание: при оплате через Сбербанк-онлайн комиссия банка составляет 1% от суммы платежа.

Алгебра мистики

Теософы, эзотерики, православные антропологи, талмудисты и каббалисты, неоконфуцианцы и постбуддисты, стоя на разных философских платформах, участвуют в философской гонке под названием «объяснить всё»

И вот к этой плеяде присоединились два неопита эзотерики, два, как утверждают сами авторы, любителя сумасшедших идей и парадоксальных гипотез. Это шеф-редактор журнала «Философская школа» Сергей Антипов и председатель редакционного совета этого журнала Михаил Пекелис, больше известный читателям под своим литературным псевдонимом Михаил Пластов. Своё кредо эти два философствующих господина изложили в книге «Побег из Матрицы».

Уже сам подзаголовок книги «Записки физика-эзотерика» говорит о позиции авторов. Оба физики. Оба лирики. А раз так, то почему записки физика-эзотерика в единственном числе? Ведь авторов двое.

Перед нами новые Бурбаки, но не в математике, а в философии, причём в очень редком её жанре философской публицистики. Напомним, Бурбаки — это коллективный псевдоним целой школы математиков XX века.

«Побег из Матрицы» — книга очень глубокая, поднимающая серьёзные проблемы генионики — новой науки, изучающей становление святости и гениальности. Почему святости? Потому что журнал «Философская школа» и эта группа философов стоят на позициях православной антропологии, продолжая дело, начатое Лосевым, Флоренским и Шестовым, — теми, кого пролетарская революция удалила из России на философском пароходе...

В названии книги есть несомненная перекличка с фильмом «Матрица», основная мысль которого: жизнь — иллюзия. Авторы этого и не скрывают.

Они анализируют учения от Теслы до Флоренского, от Серафима Саровского до Хосе Сильвы, от Ляпунова до Вернадского. Но эти и другие гении — не разгонный материал для поддержания читательского интереса, они соучастники авторов в их уникальной попытке сбежать из матрицы.

К трём общеизвестным координатам пространства — высота, длина и ширина

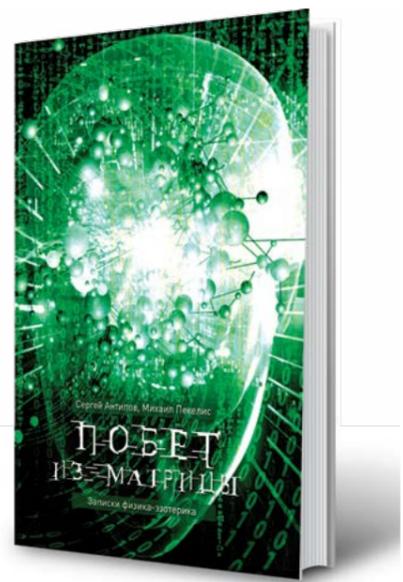
— авторы добавляют ещё три — время, информацию и энергию. В этих координатах им удаётся построить схему расположения и функционирования тюремщиков, пусть и незримых, но весьма креативных в своём умении удержать нас в ячейках матрицы.

И во всей этой полуфантастической, на первый взгляд, ереси кроется золотое зерно нового мышления, новой философии. Как её называют авторы — алфилософии по аналогии с алхимией.

По существу, книга «Побег из Матрицы» — первая ласточка новой философии в нарождающемся мире постсредневековья — удивительный сплав веры и науки. Чего только стоит введение понятия «квант действия». При всей внешней простоте оно превращает алфилософию в раздел куда более основательной и фундаментальной квантовой философии.

Вообще для «Побега из Матрицы» характерен сплав фантастики, практического пособия для построения лучшей жизни, философского трактата и бестселлера из серии «Жизнь замечательных идей».

Со всем жаром своего таланта авторы отвечают на звучащий за кадром вопрос Ежи Леца: «Когда ты пробьёшь головой стену камеры, что ты будешь делать в соседней?».

— А мы будем, — говорят они, — пробивать стены до тех пор, пока не окажемся на свободе, и не в другой Матрице, а в мире, где можно стать со-творцом Творцу нашему и Спасителю, Создателю всех миров — и параллельных, и перпендикулярных.

Сергей ЧЕРНОВ,
профессор, доктор философских наук.

Чудеса для детей

Известный «взрослый» поэт Владимир Бояринов недавно удивил — в хорошем смысле слова — совершенно неожиданной новой книжкой «Медведь с мышкой дружил». Книжкой для детей!

В этом, думается, есть его глубинная связь с русской классической поэзией: думать и творить, продолжая великие традиции. Дети должны расти на стихах — ритм, рифменное ожидание, чистота звука, неожиданные образы, словесная игра — всё это воспитывает вкус, чувство меры и такта, а главное, исподволь формирует в человеке любовь к родному языку и навыки литературной речи.

Для настоящего поэта — это отдельная тема. Далеко не в каждом взрослом сознании сохраняется уникальная детская способность выдумывать целые миры, такие настоящие для ребёнка.

Может быть, в какое-то время поэт вдруг понимает, что огромный пласт литературы проходит мимо. Ведь детская поэзия — самая чистая, самая трогательная, она — как колыбель мира. В детской поэзии совсем нет времени. Это нетронутый никем, рождающийся, чистый мир. Достаточно окунуться в стихию творчества Чуковского, Маршака, Михалкова, Барто.

Читая книжку Владимира Бояринова, первое, что хочется отметить: поэт обладает тончайшим чувством юмора, обращённого и к детям, и к взрослым одновременно; он великий мастер комедии положений. Чуть ли не каждый его сюжетный стих — это маленькая история, но рассказанная с таким задором, с такой поэтической лихостью, так точно по интонации и остроумно с точки зрения стихотворной техники, что чтение превращается в большую радость. Эти стихи, вроде бы, неприязнательны, и мир детства в них традиционен, но нужно иметь по-настоящему поэтическое зрение, чтобы вычленив в нём главное, а этим главным, как нередко бывает, становится то, что ускользает от глаза, и только взгляд любознательного ребенка (вернее, взгляд поэта, которым тот одаривает ребенка) способен остановиться на этой до поры до времени скрытой тайне.

Так в стихотворении «Такие разные бабушки» творятся истинные чудеса:

И гроза грохотала
Как будто железную книгу листала.
И с каждой страницы
Слетали зарницы.
А ветер был сильный и смелый какой!
За молнии голой хватался рукой.
Он брал их в охапку
И складывал в шапку!

В стихотворении «Чудеса в решете» на небесах случаются невероятные события:

Медведь по небу летает,
Тучку рваную латает, —
В ней огромная дыра —
Дождик льёт, как из ведра.

Дети радуются новому — как никто! Новые впечатления приносят им чувство обновления и насыщают духовный мир. Но как же непросто научиться определять эту «дозу» новизны, и затем нешаблонно, и действительно поэтически передать в стихах свои чувства, естественную метафорич-

ность, сказочность. Как стать для ребенка первооткрывателем!? Мне кажется, Владимиру Бояринову это удалось в полной мере.

Это не просто собрание стихов для маленьких детишек. Автор находит ответы на вопросы, без которых вообще не может существовать поэзия для детей. А именно: оказывает ли стихотворение неизгладимое впечатление? Заставляет ли стихотворение увидеть мир по-новому? Пробуждает ли желание задуматься? Дает ли импульс к фантазии, будит ли воображение?

Может быть, самая главная функция детской поэзии — это прививка доброты. Путь к разуму через сердце — это тот самый надежный путь воспитания и формирования личности, который надёжней всяких окриков, приказов или плакатов, призывающих любить природу, не делать тот или иной нехороший поступок, лучше долгих и нудных наставлений и разъяснений. Дети остро чувствуют доброту и сердечное тепло. С радостью воспринимают эти высокие чувства.

В своих придуманных историях поэт точен, мудр, гуманен, говорит на понятном для маленьких читателей языке, чтобы, завоевав их доверие и любовь, взять затем за доверчивую руку и потихоньку повести вперёд к вечным и светлым радостям, к мудростям жизни. И незаметно происходит чудо взросления.

Взрослея, человек учится любить окружающий мир и проникаться чувством любви к родной земле. Поэтому у Владимира Бояринова в стихах появляются строчки: «Шапки снимают: / Декабрь-бойрин, / Январь-воевода, / Февраль-удалец». И возникает яркое ощущение прекрасного:

Даже небо стало ниже,
Даже месяц повидней,
Даже звёзды стали ближе
И земля ещё родней!

Книга Владимира Бояринова «Медведь с мышкой дружил» — убедительное свидетельство того, что современная детская поэзия живет и в наше суматошное время.

Перед нами талантливые стихи, написанные большим поэтом. С ними можно бегать, прыгать, петь, а ещё — учиться думать. Попробуйте учиться думать, начиная с этих стихов!

Новая книжка приносит в наши дома праздничное настроение. Причём праздник этот достаточно необычный — это встреча с богатствами родного языка, детской речи, тонко и со вкусом интерпретированной автором. И на этом поэтическом поле, где самое важное — лаконичность, простота, отсутствие назидательности и красота самой поэзии, он заявляет о себе как о большом искуснике и знатке детской психологии.

Многое в поэтическом мире забылось, а милые детские «пустяшки», которые знакомы — не преувеличу — доброму десятку поколений, которые наши бабушки помнили с гимназических лет, сохранились. Сохранятся и детские истории Владимира Бояринова.

Юрий РЫЧЕНКОВ

Абсолютный слух души

Десятилетиями я радуюсь стихам Виктора Кирюшина, а пора и задуматься: почему они так запали мне в душу? Тем более, и случай для этого подходящий — 65-летие поэта

Никакой метафорической путаницы, переусложнённости в его стихах, никакого желания во что бы то ни стало походить на кого-то другого, но есть взвешенное, благородное следование природе своего дарования и традиции отечественной поэзии. Зачаровывает филигранная тонкость слов, нежность чувства и благородство мысли.

Меня пленяет лирика Виктора Кирюшина, как прохладное зеркало воды озера, как одиночество рыбака, как невесть откуда появившаяся золотая рыбка чудесной строки. Поражает точность поэтической речи и прямое попадание поэта в особенность собственного дарования, честная его проекция на лист. Беру наугад строку — «Тьма воронья в озябшей кроне» и тотчас улавливаю особую музыку, пронизывающую творчество поэта. Ничего лишнего, избыточного, рассчитанного на внешний эффект. Поскольку новое поколение учится собственному творчеству по образцам, как средневековые подмастерья по шедеврам мастеров, так и хочется воскликнуть: «Пример преподаван — ваш черёд!» (Б. Пастернак). Вооружившись подобным камертоном, легче настроиться на гармоничный лад. Форма силлабо-тонического рифмованного стиха проста до волшебства. В том-то и опасность этой вековой конструкции, что она далеко не всегда удерживает духовное вещество поэзии, что она равно покорна и гению, и рифмоплёту. Поэзия — самое демократическое искусство, доступное по формальным признакам каждому школьнику. Вот тут-то и необходимы начинающим стихотворцам образцы наполненных поэзией строк, чтобы в сравнении познать истину:

К ночи сгущается воздух сырой,
Вольно и наспех прошитый каплейю.
Пахнет в округе набухшей корой,
Дымом печным и оттаявшей елью.

Слова являют собою пример высокого поэтического созерцания, мастерски перекладывающего в философскую максиму-концовку:

Необъяснимо такое тепло.
Необъяснимее только надежда.

А вот уже из другого стихотворения — в продолжение поэтического монолога:

Но природа, закрывшая двери,
Немотой продолжает корить.
О, свободные птицы и звери,
Научите меня говорить!

Кажущаяся простота стихов пусть нас не обманывает, поэзия — наиболее сложное, аристократическое искусство, неестественная (искусство!) естественность речи, в ней обитает волшебство. И тут нужен «абсолютный слух души» (В. Кирюшин). В стихотворении «На Медведице», посвящённом своему учителю и другу поэту Николаю Старшинову, он сам говорит о душе своих творений, и лучше не сказать:

Графика дождём промытых линий:
Тёмный бор,
Холодная река.

Тихо тлеют свечки белых лилий
В заводях, где дремлют облака.
.....
Ветрено.

Просторно.
Одиноко.
И плывёт сквозь долгие века
Месяца недрёманное око,
Тёмный бор,
Холодная река.

Пейзажные зарисовки — это ведь тоже о душе поэта. Много лет я бродил среди его мысленных трав, цветов, муравьёв, стрекоз, где обычное существо или явление превращается в сказочное, первозданное, где легко и сладко укрываться от палящей реальности одичавшего века:

Ночь дышит сыростью озёрной.
Едва заметные в воде
Желтеют звёзды, словно зёрна
В парной и зыбкой борозде.

Говорят, что один из действенных, хотя и субъективных, критериев наличия в стихах поэзии — это желание вновь и вновь слушать или перечитывать их, пока строчки сами собою не запомнятся, не станут внутренней опорой, утешением, вразумлением, побудителем к жизни. Однажды я набрел в одной из книг Виктора Кирюшина на таинственного скрипача, который играл «на струнах высохшей осоки», едва удерживая смычок «в озябшей маленькой руке»:

И он задумается грустно,
Иронизируя незло,
Что лишь сочувствие — искусство,
Всё остальное — ремесло.

Как такие слова не удержать в памяти, не прокручивать их в себе, пока не придёт понимание, что это песнь о самом главном. И я уже думал, что разгадал пантеистический дух поэта («Мир всякий мудростью богат...»), который сильнее века.

Но всё оказалось значительно сложнее и богаче, когда мне открылся вход в его родственный моему мир. Разве можно что-либо узнать, если этого уже нет в нас самих? Нашёл я эти стихи случайно, развернув книгу «Неизбежная нежность». Приведу целиком:

Тропа с холма сбегает вниз полого,
А дальше степь без края и конца.
Сухой и жёсткий куст чертополоха
Качнётся вдруг у самого лица.

Бери копё иль уповай на милость
Врагов, что в прах стирают города...
Здесь ничего почти не изменилось
За сотни лет —
Всё так же, как тогда.

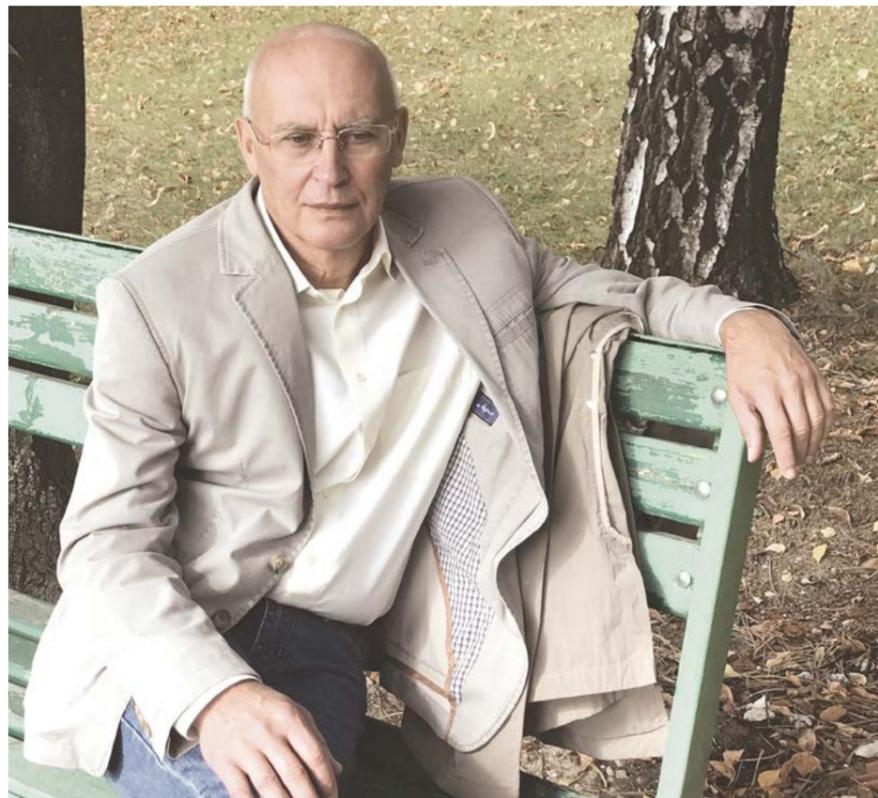
Так да не так:
Враг обернулся бесом,
Перехитрил Ивана-удальца.
Живое поле зарастает лесом,
Мелеют реки, души и сердца.

Там, далеко, шумит-гремит столица,
Она щедря для слуг, а не служак.
Куда идти?
Каким богам молиться?
Где в этой смуте войско и жокак?

Всё верится: вот-вот блеснут кольчуги,
Тугие стрелы воздух разорвут...
Но тишина давно уже в округе
Та самая, что мёртвую зовут.

По всей степи кусты чертополоха,
Сойдётся с коня — утонешь с головой.
Густеет тьма.
Кончается эпоха,
И колокол расколот веховой.

Это уже не миниатюра, а эпическое полотно, когда современность проваливается в тысячелетия и вздымается на дыбу будущего. Подобная одически-былинная традиция пронизывает всю русскую поэзию. Поэт прямо говорит, что наша всеисторическая мука не исчезла из современного временного пространства. Кульминация былинны в пятой взрывной строфе, где ключевая идиома «мёртвая

тишина», поэтом оживлена словами «та самая». Не случайно завершается это эпическое стихотворение отзвуком («В густой траве пропадёшь с головой» А. Блок), искусно вплетённым в новую лексику, а последний аккорд эпилога гудит древним, как сама русская поэзия, звуком сочетанием, единением музыки и смысла, — «колокол расколот», вызывая глубокий ассоциативный ряд, отбрасывая к началу былинны, побуждая прочесть её вновь и вновь.

Если стихи о природе можно назвать маленькими поэмами, то это — поэма-былина. Поэмами стихотворения Виктора Кирюшина делает насыщенность содержания, обилие строго отобранных деталей, глубина чувства и далёкие горизонты нестандартной логики мысли. То, что они написаны в малой форме — всего лишь дань нынешнему читателю, который в подавляющем большинстве своём не воспринимает объёмные формы поэтических творений.

Знаки времени очищены в стихах Кирюшина от всего наносного и, простите за тавтологию, временного:

По земле, что к полуночи дремлет,
Нёс он лёгкое тело своё,
И ступал на родимую землю,
И отталкивался от неё.

В любовной лирике поэт достигает предельной обнажённости. И это прекрасно. Тут невольно вспомнишь требование Афанасия Фета — достигать в стихах предела «лирической дерзости» и не бояться искрящейся в слове искренности. Кирюшин это вполне осознаёт. Он не боится обнажать свою душу и не хочет занавешивать память, хранящую дорогие для него чувства и образы:

Но, грешник и бабий угодник,
Целую, пока не погиб,
Живя золотой треугольник,
Бедра молодого изгиб.

Виктор Кирюшин — мастер ярких деталей-наблюдений, неожиданных подробностей и концовок-афоризмов. Этому искусству можно поучиться. Есть просто великолепные примеры. Вот концовка стихотворения «Волк»:

Жокак умён и даже пулей мечен,
Уводит стаю снежной целиной...
В деревне ныне поживиться нечем
И волк её обходит
Стороной.

Гражданская лирика Виктора Кирюшина так же свежа и таинственна, как пейзажная и любовная. Разве не вобрали многовековую русскую боль стихи, написанные в лучшей демократической традиции отечественной поэзии... Хотел процитировать концовку, но не смог остановиться:

Лес обгорелый,
Десяток избёнок,
Морок нетрезвых ночей.
Плачет в оставленном доме ребёнок.
— Чей это мальчик?
— Ничей.
Невыносимая
воля в остроге,
вязь бесполовых речей.
— Чей это воин,
слепой и безногий,
помощи просит?
— Ничей.
Словно во сне
великана связали,

гогот вокруг дурачья.
— Чья это девочка
спит на вокзале
в душном бедламе?
— Ничья.

Остервенело
в рассудке и силе
продали это и то.
— Кто погребён
в безмянной могиле
без отпеванья?
— Никто.
Родина!
Церкви и доли, и пожни,
рощи, овраги,
ручьи...

Были мы русские,
были мы Божьи.
Как оказались ничьи?

Подобные стихи нет необходимости комментировать, они рисуют юдоль, «где рождаются поэты», где родился и честно живёт Виктор Кирюшин. Есть поэты, которые точно попадают в своё время и о них много говорят и пишут современники. Есть и те, кто сильнее своего века, и они попадают в вечность:

Предутренний луч и заката кайма
Спасибо, что был я на свете.
На свете, который меня не поймал
В свои золотистые сети.

Заступник родной земли

Произведения Николая Офитова публикуются в последнее время в российских газетах и журналах «Слово», журнале «Вертикаль. XXI век», в блоге «Союз писателей России. Нижегородская областная организация» с завидной регулярностью. Интересно знать, почему

Что значит слово в нашей жизни? И что значит художественное произведение, созданное этим словом? Николай Офитов даёт на эти вопросы однозначный, жёсткий, принципиальный ответ своим сборником «На Ключищинском косогоре».

Есть в текстах этого автора неподдельная искренность, сопереживание, неравнодушные — те свойства, которые в последние десятилетия как-то незаметно оказались вытесненными из русскоязычной литературы. Я не оговорился — именно русскоязычной, потому что истинно русская литература всегда несла в себе правду окружающей жизни. А правда несовместима с равнодушием.

Настоящая литература немыслима без внутренней свободы писателя. Потому-то её зачастую и называют исповедальной.

Но почему мы вдруг почувствовали, что истощающийся слой истинной литературы гибелен для нашего общества?

Главное таинство литературы (настоящей, такой, которую предлагает читателям Офитов, а не самодельных подделок) сокрыто в создании образа, который в полноте своей вмещает иную человеческую жизнь. Другими словами — отражает её, жизнь, во всём многообразии, которое только возможно при существовании человека на земле. И труд этот немыслимо осуществить, лишь приложив (пусть кропотливые, долгие, искренние) старания. Здесь нужно нечто совсем иное, что за неумением более точно осмыслить и обозначить это понятие, мы дали ему название, взяв из Евангелия, из притчи, рассказанной Иису-

сом Христом своим ученикам о талантах. Мы назвали это состояние человеческого духа — талантом. Иначе — способностью сострадая, впуская в свою душу только зарождающуюся иную жизнь, ещё только смутно постукивающую в сердце художника робким пальчиком, явить её в итоге со временем миру полной, состоявшейся. Пустить эту вновь рождённую жизнь в свет, в пространство, где живём (существуем, обитаем) мы сами, и где она найдёт как своих друзей, которые полюбит созданного писателем героя (и с тех пор он будет жить с ними явно, как и люди во плоти), так и недругов, что отвергнут его, лишат своего внимания.

Так, в соединении плоти, интеллекта, духа и рождается образ. Мы его называем литературным.

Но если все требования таланта выполнены, то разве созданные художником герои не начинают жить своей самостоятельной жизнью? И тут вовсе не обязательно вспоминать только классические примеры: Евгения Онегина и Татьяну Ларину, Пьера Безухова и Наташу Ростову, князя Мышкина и Родиона Раскольникова, Аксиныю и Григория Мелихова... Эти созданные гениальными русскими писателями А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, М.А. Шолоховым образы столетия живут с нами, среди нас. Но кроме образов, населяющих эти книги, ещё миллионы и миллионы литературных героев наполняют наше духовное пространство. Хотим мы того или нет, но они в совокупности влияют на нашу жизнь, наши поступки, наше мироощущение.

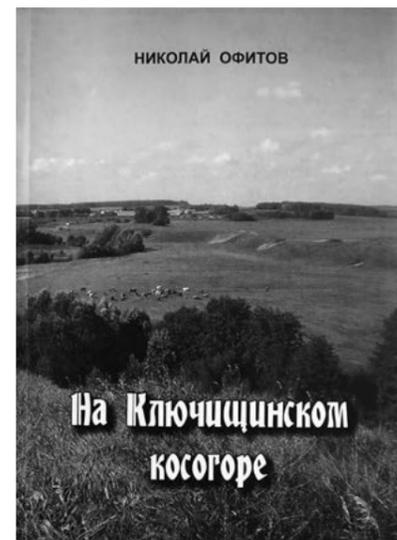
Иными словами — только живой образ, рождённый, созданный писателем из своего внутреннего духовного резерва, делает литературу литературой. Ведь в нём должна найти убежище душа. Потому что тут происходит соединение писателя с Богом, соединение «твари, явленной из праха земного» — с Творцом.

Но вернёмся к прозе Николая Офитова. Писатель создаёт образы не из «умозрительного пространства», а извлекает их из собственной памяти, души, сердца. Потому-то они так живы, достоверны, близки нам. Он рассказывает о давно ушедших людях, но так, что для читателей создаётся полное впечатление, что они и сейчас живут среди нас — любят, страдают, помогают ближним, терпят несправедливость и жестокость.

Для меня общение с этим писателем дорого ещё и потому, что наши отцы наши родились на юге Нижегородской губернии, а значит, многое из того, о чём рассказал писатель в своей автобиографической прозе, находит отклик и в моём сердце. Но главная ценность нашему родству душ идёт от тех оценок, что мы с Николаем Викторовичем выносим времени — как прошлому, так и нынешнему, в котором жила и живёт наша страна.

Офитов написал рассказы, но все сюжеты их не выдуманы, а взяты из собственной жизни. И о трудном военном детстве («Хлеб плакал», «На Ключищинском косогоре», «По дрова», «Хлеб войны»), и о тепле материнской заботы («Жаворонки»), и о крестьянском быте («У самовара», «Дарьял», «Душа русской избы») он повествует не с чужих слов, а исходя из собственного жизненного опыта.

Проза Офитова зачастую публицистически остра. Но эта публицистичность — не самоцель в его произведениях. Это говорит

в писателе обострённое чувство справедливости, горечи за поруганные святыни, оболганную историю, разворованные богатства страны, что с таким невероятным трудом создавал весь наш народ. А если конкретно — деды, родители многих поколений русских крестьян. Да и он сам, будущий писатель Николай Викторович Офитов, тоже.

Книга Николая Офитова «На Ключищинском косогоре» душеспасительна. Это разговор с вечностью. Разговор исповедальный, доверительный. Это призыв к нашему собственному спасению и спасению Отечества в целом, любимой нами России.

Валерий СДОБНЯКОВ
Нижегород

По дороге к Храму

Бывают поэты неожиданные и долгожданные. Василий Попов удивительным образом принадлежит одновременно к двум этим категориям

Русский читатель в любое время ждёт-пождёт поэта, который покажет ему красоту и гармонию русского мира. А она есть всегда, даже в эпоху мутного разлива общечеловеческих ценностей. И когда таким стихотворцем оказывается молодой человек, родившийся не в самое ласковое для России время, его появление кажется поразительным. Хотя, наверное, закономерным: так русская природа и русская стихия отвечают на вызовы времени.

«Молчаливые поля. / Горы спят, как дети. / Всё ты видела, Земля, / И всему свидетель. / Сколько времени прошло, / Сколько пережито. / У Архангела крыло / В битвах перебито. / Вот и я теперь иду / По дороге к Храму. / Свет небес на грудь кладу — / Заживляю рану. / Ведь останется всегда / Только правда эта — / Вишневская Звезда / Да полоска света».

Читая стихи поэтов нового поколения, каждый раз убеждаюсь, что способности писать в рифму отнюдь недостаточно, чтобы звать русским поэтом: в подавляющем большинстве нет у них «русского духа». Василий Попов — счастливое исключение.

Мы познакомились с ним лет десять назад, на Всероссийском поэтическом фестивале «Соколики русской земли». Васи-

лий — сибиряк, горожанин: родился, рос, учился в Иркутске, стало быть, земляк Валентина Распутина, в своё время оценившего творчество своего молодого собрата по перу. А сейчас Попов и вовсе в Москву перебрался. Так откуда ж в его стихах взялась такая неподдельная русская грусть? Я не раз был свидетелем тому, как восторженно принимает его публика, хотя особо искусным декламатором его не назвать. Может, он напоминает нам о чём-то родном, едва ли не забытом?

«Тёплый вечер, синий вечер, / В тишине лежит село. / Погасило солнце свечи, / Но ещё совсем светло. / Доит бабушка корову, / Дед ведёт поить коня. / Месяц выковал подкову / В небе около плетня. / Тихо, тихо ночь ложится, / Успокоилась земля. / Пусть деревня мне приснится / Да бескрайние поля. / В чёрной сбруе понесётся / Всадник, звёздами звеня. / Молоком парным прольётся / Топот млечного коня».

Я лучше многих знаю все прискорбные приметы нынешней сельской жизни, но не хочу даже намеком упрекнуть Василия Попова в какой-то «лакировке» печальной действительности. Если говорить с материальных позиций, ныне и корову-то держать — себе в убыток, а парное молоко и вовсе редкость в сельском подворье. Сегодня за молоком не в коровник, а в супер-

маркет ходят, поля бескрайние бурьяном поросли...

Но сквозь это земное звучит в стихотворении высшая космическая правда о русской глубинке, помня которую, мы имеем шанс когда-нибудь восстановить родное село. А пока оно хранится в слове, словно утка в златом ларце. И какая у Василия Попова чудесная и ненавязчивая образность!

Месяц-кузнец у него куёт родному русскому землепашцу оберег-подкову. Конечно же, на счастье. И хотя поэт про счастье ничего не говорит, даже и слова-то этого нет, но ощущение счастья и гармонии — в полной мере! Уходящий в высокое небо плетень России — прекрасный символ, и уже в нём одно отношение автора к своей Родине выражено ярче и глубже, чем в километрах бездушных стихов. Не чурается

и не стесняется русского плетня Василий Попов, а возводит его до небес, слава земле предков без пафосных слов. Ай да спасибо молодому поэту за эту веру в Россию в такое непростое для страны время.

По сути, каждое стихотворение Василия Попова — гимн русскому духу России:

«Звезду, что в поле просияла, / Туман повесил на сосну. / Старик несёт из сеновала / На вилках бледную луцу. / На воздух бабушка из дома / В коробке вынесла цыплят — / Как пятна солнышка лесного / Они под лавочкой сидят».

Эти стихи поймёт и сердце ребёнка, — неслучайно православное издательство выпустило книгу стихов Попова для детей.

Эти стихи согреют и сердце человека уставшего, не раз разочаровавшегося в жизни. Читаешь их и молодеешь душой, ощущаешь, что золотой запас твой ещё не весь истрачен...

«Я вернулся домой. / Здравствуй, поле! / Стой, шофёр, я пойду напрямик! / Будет в доме сегодня застолье, / Заливается песней родник. / Посижу, отдохну и увижу / То один, то другой лепесток. / И подходят всё ближе и ближе / То лиловый, то жёлтый цветок. / Сколько их зацвело на рассвете, / А какие — никак не пойму! / Соберу я сибирский букетик, / Небольшой, по цветку одному...»

Эдуард АНАШКИН
Самара

Андрей И

Советский и российский актёр, режиссёр, сценарист, известный телеведущий программы «Искатели», заядлый путешественник и писатель. На страницах ОЛГ он предстанет в роли прозаика со своей новой книгой «Прозрачный экран. Кинобайки», где остроумно и увлекательно описывает невероятность событий, царящие в России в 90-е годы, в том числе и в кино...

От автора

Эта книжка написана так, чтобы её можно было начинать читать в любом месте, и в любом месте заканчивать. В принципе её можно читать и вверх ногами, и... вообще не открывая. Последний способ очень популярен у старшекласников — так они выполняют задание по внеклассному чтению на лето.

Это небольшие рассказы о забавных и необычных историях, которые произошли на съёмках совершенно случайно, и заранее их предсказать было невозможно.

После окончания режиссёрского отделения ВГИКа мне было интересно работать не только режиссёром, но и актёром. И здесь повезло, что за последующие 28 лет кино и телевидение постоянно менялись

вслед за превратностями нашей жизни. Поэтому моя актёрская судьба позволила освоить в кадре самые разные профессии и пережить много необычного.

Сначала, в 90-е годы прошлого века, кино вообще не снималось, а телевидение было посвящено политике. Поэтому молодые режиссёры и актёры работали в родившейся, как взрыв, рекламе. И делать тогда на экране можно было всё что угодно! Съёмки в клетке с тигром были не самыми запоминающимися...

Потом медленно стало возрождаться кино. Но на экране сразу хотелось всего, и желания дерзких начинающих режиссёров росли гораздо быстрее, чем возможности. А от этого многие кадры снимались

иногда с небывалым риском, а подчас с душераздирающим смехом.

В своих фильмах «Конструктор красного цвета» и «Научная секция пилотов», где я был и автором сценария и режиссёром-постановщиком, я работал и актёром. Это давало мне удивительные возможности самых разных актёрских и каскадёрских экспериментов.

А уже потом, когда началась эра настоящих серьёзных сериалов, то появившийся авторитет позволил сниматься не только в своих фильмах. Поводом бесконечных воспоминаний для меня навсегда останутся сериалы «Боец» и «Адмирал». Но тогда кино ещё не достигло сегодняшнего уровня солидности,

когда актёра берегут, при необходимости заменяя в кадре дублёром. Поэтому в остросюжетных кадрах приходилось падать, прыгать, скакать на лошади... и часто травмироваться.

В проекте «Телеспецназ», организованного силовыми структурами России, работа заставляла почти ежедневно ездить, летать, плавать, бывать там, где стреляют.

Но самым по-человечески памятным в моей экранной судьбе стала десятилетняя работа ведущим в телепрограмме «Искатели». Здесь наступили самые невероятные путешествия и приключения...

С уважением,
Андрей И

Как меня чуть не съели

1990 год. За плечами осталось весёлое и бесшабашное время учёбы во ВГИКе. Фёдор Бондарчук, Иван Охлобыстин, Максим Осадчий и ещё несколько не таких известных имен. Мы закончили прославленный институт и были уверены, что очень скоро прославимся в кино.

Сейчас молодёжи в это трудно поверить, но кино тогда не снималось вообще. Самой главной причиной было то, что советский кинопрокат был разрушен — ни один кинотеатр в стране не работал! То есть кино — фильмы тогда снимались не на видео, а на киноплёнку — просто нигде было показывать! Видеоиндустрия была в самом зачатке.

И все мы бросились в мир производства рекламы. Красный диплом ВГИКа сразу выдвинул меня на первые строки рейтинга режиссёров рекламных роликов. Это было по-своему замечательное время. Уже потому, что мне удалось поработать с легендарными классиками советского кино: Михаилом Пуговкиным, Ольгой Аросевой, Евгением Леоновым, Ларисой Лужиной, Любовью Соколовой... Каждое имя — это отдельная история.

И вот настал момент, когда мне пришлось впервые самому сыграть роль в рекламе. Фирма «Инпродторг» пригласила меня в качестве креативного директора на свою рекламную кампанию. Я должен был придумать общую идею, написать сценарии роликов и, как режиссёр, снять.

Я решил выпендриться и фантазировать по полной. Это было необходимо, потому что заказчики были люди очень скептические и малоэмоциональные. Убедить их можно было только чем-то очень ярким.

Когда началось обсуждение кандидатуры лица фирмы, актёра для роликов, я понял, что не ошибся. Они безоговорочно выбрали Сергея Крылова. Старшее поколение должно помнить такого весёлого толстого человека, который пел песню «Девочка моя». Я ещё тогда грешным делом подумал: «Вот, как интересно... Фирма, связанная с продуктами, выбрала такого «мясного» человека!»

Креативщики меня поймут. Первая пришедшая в голову ассоциация очень важна. И отработать её нужно по максимуму. В моём сознании выстроилась вполне логичная цепочка: «Продуктовая фирма и толстый человек, который любит поесть — эти образы не противоречат друг другу... но этого мало...» И тут меня, как профессионального фантазёра, что говорится, понесло. Так и должен работать настоящий разработчик креатива — здесь ни в коем случае ничего не должно ограничивать. «Серёжа Крылов очень похож на пончик... то есть, это образ человека, которого... са-

мого тоже хочется скушать!» В результате родился сценарий ролика с тигром.

За богато накрытым столом сидит пирующий Сергей Крылов... Мимо него по столу проходит облизывающийся рыжий кот и исчезает за кадром... Но уже через секунду, появляясь из-за кадра, в обратную сторону по столу проходит... тигр! Реакция Крылова здесь понятна: сначала удивился коту, потом обалдел от тигра.

Как он всё это отыграет, я не сомневался. Он шикарный актёр. Заказчики пришли в восторг от сценария. Во время обсуждения они, словно дети, наперебой рассказывали, как забавно всё это будет происходить. Они так живо это себе представляли, что мне стало казаться, что они ставят себя на место Крылова и хотели бы с ним поменяться местами. То, что заказчик так восторженно принял сценарий, было победой. Но я рано радовался.

На следующий день Крылов взял в руки сценарий. Уже при чтении первых строк он распылился в улыбку:

— Классно...

От его улыбки моя улыбка растянулась еще шире. По ещё более загоревшимся глазам я понял, что он дошёл до тигра:

— Котик разлезся до размеров тигра... Жаль, что это не в жизни будет...

Меня немного смутили его слова:

— В смысле, не в жизни?

— Ну, ты же это компьютером впечаталешь тигра?

— Нет.

Сергей насторожился. Я понял, что у него родилась некая догадка, но он не хотел в неё верить.

— Всё снимем в «одной экспозиции». Ты сидишь за столом, а тигр проходит по столу...

Я прервал свои объяснения, потому что лицо Сергея за секунду переменялось так, словно сидящий перед ним хорошо знакомый человек неожиданно превратился в инопланетного кровожадного монстра с текущей изо рта кровью.

— Ты в своём уме?

Отвечать было бесполезно, потому что Сергей уже поставил мне диагноз. Но молчать тоже было глупо:

— Они хорошо заплатят.

С каменным лицом Сергей как-то автоматически кивал головой:

— Конечно, мне деньги очень понадобятся... на собственных похоронах.

Когда заказчики узнали о категорическом отказе Сергея Крылова, в совещательном кабинете надолго воцарилась тишина. Её прервал заместитель гендиректора по PR-политике, самый молчаливый и флегматичный из представителей «Инпродторга»:

— Увы, я предвидел подобное. Но гораздо печальнее другое.

Все без исключения, и я в том числе, с нескрываемым недоумением посмотрели на «пиарщика». Он обошёлся без театральной паузы:

— Я не сомневаюсь, что все откажутся. Это великодушный сценарий, но, к сожалению, он не жизнеспособный.

Это был даже не камешек, а гигантский астероид в «мой огород». Выдумывая контраргументы, я довольно невнятно промямлил:

Прозрачный экран Андрея И

— Не факт, мы же не интересовались у других актёров.

— Факт, факт... — «пиарщик» чувствовал, что его позиция молча принята большинством. И он, как замечательный психолог, нанёс следующий удар, безупречный по своей точности. — А вот вы же актёр. Вы, Андрей, сами сыграли бы эту роль?

Пусть уважаемый читатель попытается поставить себя на моё незавидное место. В эти мгновения я совершенно отчётливо понял, что оказаться рядом с тигром это совсем не шутки, и что Серёга Крылов совсем не трус. Он совершенно нормальный реалистичный человек, и он был прав.

В эти секунды во мне боролись сразу три человека. Первым был только что родившийся реалист. И пока серьёзный перевес сил был на его стороне. Вторым был исполнитель заказа, очень сильно ожидавший гонорара. Третьим был романтик, которому предложили самому выбрать: трус он или нет. Победила глупость в лице романтика... Но если бы романтик знал, что встреча с тигром будет не так страшна, как на фоне подготовки к ней...

Запах страха

Для начала мой путь на «Голгофу безрассудства» уже в этот вечер в подробностях описал наш консультант, работник цирка. Вся декорация должна собираться внутри привычного для тигра пространства — на арене, внутри защитной клетки. Камера должна находиться снаружи, и её необходимо замаскировать, чтобы не

нервировать животное. Внутри клетки могут находиться только дрессировщик и актёр. Но сама съёмка может состояться только при согласии дрессировщика, под его единоличным руководством и при соблюдении всех указаний, которые он даст накануне. Если при первой встрече дрессировщик, познакомившись с актёром, скажет «нет» — спорить бесполезно. Съёмка не будет.

Арену выбрали в «Уголке Дурова»: там не такой плотный график репетиций, как в двух московских цирках, а арена практически точно такая же.

Утром мы уже стучались в дверь служебного входа этого маленького, но очень популярного цирка зверей.

Дрессировщика звали Николай, хотя он представлялся как-то очень по-простецки: «Колян». Этот намёк на панибратство меня несколько напряг. Ещё более напрягло то, как долго и совершенно беспардонно Колян изучал меня своим ироничным взглядом. Наконец, он как-то грустно усмехнулся и направился к двери:

— Пошли, на Барсика нашего посмотрите.

Ещё за несколько метров до клетки я почувствовал всю мощь нервно прохаживающегося там зверя. Я смотрел внутрь клетки уже не глазами праздного посетителя зоопарка — я смотрел туда, невольно оценивая, как буду чувствовать себя рядом с этим чудовищем, и категорически не мог поверить, что решусь на это. За пару метров до клетки ноги словно вросли в землю, и я остановился. Мне не очень понравилось, что Колян тоже не стал подходить ближе, и от него также исходили явные флюиды очень серьёзной осторожности.

Говорить никто ничего не стал. Мы постояли пару минут и без всяких комментариев зашагали к выходу. Когда мы прощались, Колян продолжал бурлить меня своим холодным насмешливым взглядом. Сдержанно пожав руки, мы стали расходиться, и до меня донеслись слова Коляна:

— Перед съёмкой не забудьте морковки поесть.

— Что? — не понял я и остановился, повернув голову.

Колян не остановился:

— Да просто мы в пищу тиграм обычно витаминчики добавляем.

Наверно, это была шутка.

Наконец-то наступил съёмочный день. Когда я вошёл в цирковой зал с амфитеатром, всё было уже готово. Внутри клетки, посреди ярко освещённой арены стоял богато накрытый стол. Съёмочная группа сидела на первых рядах. Пожать руку ко мне подошёл оператор Анатолий Мукасей.

Здесь не могу не отвлечься. Мне посчастливилось подружиться с удивительной парой — Светланой Дружининой и Анатолием Мукасем — на одном из фестивалей рекламы. Достаточно назвать только несколько картин, снятых этим великодушным оператором, чтобы понять, что это человек-легенда: «Берегись автомобиля», «Большая перемена», «Виват, гардемарины!», «Тайны дворцовых переворотов»... Как-то при встрече Анатолий пожурил меня, что я не приглашаю его снимать рекламу. И вот мы оказались вместе на съёмочной площадке.

В этот раз при рукопожатии Анатолий улыбался ещё более задорно и иронично. «И ты Брут, — пронеслось в голове. — Вся съёмочная группа пришла бы сюда без зарплат. Даже сами бы заплатили, лишь бы посмотреть, как сожрут прямо «в кадре» Андрея И».

Мы с Анатолием подошли вплотную к клетке. Камера была установлена так, что объектив располагался между толстых арматурных прутьев клетки, поэтому на экране было полное ощущение нахождения камеры совсем рядом со столом.

Я резко повернулся в сторону работников моей группы. Они этого не ожидали и не смогли скрыть выражения лиц. Чтоб мне провалиться, но они смотрели на меня так, словно мы не жали ещё вчера друг другу руки, не смеялись и не шутили. Они смотрели на меня как на зачумлённого. Шутки шутками, но мне стало не по себе от ощущения, что «мы плыли рядом, но на соседних льдинах».

Через полчаса меня загримировали. Вид у меня был более, чем яркий — нечто среднее между образом приказчика в дореволюционной России и чудаковатым «новым русским». Вызывающий жёлтый пиджак, набриолиненная зализанная причёска, закрученные вверх в

стиле Сальвадора Дали усы и в довершение — пенсне.

Коляну этот наряд не понравился: по его мнению, яркий пиджак будет раздражать тигра. Но по тому, как он со мной разговаривал, я понял, что это не самое главное. Он, по обыкновению как-то бесшабашно, кивком головы позвал меня за собой.

Мы зашли за кулисы и остановились рядом с клеткой-проходом, по которому звери выбегают на арену.

Коляна словно подменили — это была сама сосредоточенность и серьёзность:

— Сейчас они пробегут мимо...

— Почему «они», а не «он», — молниеносно отреагировал я.

— Во-первых, не перебивай. Во-вторых, Барсик один будет нервничать, поэтому на арене он будет с подружкой.

Я согласно кивнул головой, словно от моего мнения что-то зависело. Колян, видимо, понимал моё неуютное состояние, поэтому не придал значения моему кивку:

— Когда они будут пробегать мимо, просто стой на этом месте. Если они не обратят на тебя внимания — можно войти в клетку. Если кто-то из них остановится и зарычит — о съёмках забудь.

Через пару минут где-то в темноте клацнул засов, и я даже не увидел, а почувствовал движение. Мимо пронеслась сначала одна громадина, потом — вторая... Надежда на то, что кто-то из них зарычит, не оправдалась.

Я встретился взглядом с Коляном. Он кивком головы позвал меня ко входу в клетку арены. В цирке люди, которые входят в клетку зверя, относятся к отдельной касте. Когда я встал рядом с Коляном, то почувствовал это. В возникшей паузе ожидания я посмотрел на стоящего рядом Коляна. У него по скуле медленно спускалась капля пота. Колян ощутил мой взгляд и посмотрел на меня:

— Да, а что ты думал? Столько лет прошло, а я каждый раз боюсь, когда в клетку вхожу. Это важно. Страх спасает.

После этих его слов я был на грани того, чтобы сделать всё что угодно, но только не переступить порог клетки. Но романтик внутри меня, оказавшийся в глухой обороне, сдаться не мог.

Наконец, неприятно прозвенел железом засов, и дверь открылась. Колян шагнул первым, я — за ним. Тигры словно не заметили Коляна. Они просто приклеились ко мне взглядом и как-то внутренне подобрались. Как сообщил потом Колян, в таком состоянии они готовы моментально прыгнуть в любую секунду, но ты уже ничего не можешь изменить. Колян сунул мне в руку небольшую палку:

— Если что, демонстрируй оборону. В какой-то мере это может затормозить атаку зверя.

Я направился к столу, сел на своё место и наддел пенсне. Пенсне было настоящее, с очень большими диоптриями. Поэтому всё, что происходило передо мной, было как в тумане. Мне это понравилось, словно я не на самом деле буду сидеть перед проходящим мимо хищником, а оценю это действие через нерезкий экран телевизора.

Так и произошло. Мимо меня проплыла какая-то жёлтая масса. Правда, помимо «нерезкого изображения» я почувствовал, как под немалой массой зашатался стол. К сожалению всех присутствующих, я не возбудил тигра в качестве экзотической добавки к его привычному пищевому рациону. Потом сняли ещё два дубля, но они были уже не такими волнительными.

Как ни странно, гораздо страшнее мне было, когда я смотрел снятый материал. Особенно трепетным оказался первый дубль. Теперь я его видел уже на экране с резким изображением. Когда тигр проходил мимо меня по столу, то он, оказывается, всё-таки заинтересовался мной. Тигр приостановился и повернул голову в мою сторону. Несмотря на пенсне с сильными диоптриями, судя по экрану, я всё же почувствовал интерес к себе. На каком-то глубинном инстинкте моя физиономия блестяще сыграла Винни-Пуха, когда в известном полёте он пел песенку: «Я — тучка, тучка, тучка, я вовсе не медведь...»

Поверьте мне как актёру, это величайший закон творчества — если тебе надо играть испуг, то пусть тебя испугают по-настоящему.

Мне кажется, что когда я сдавал ролик заказчику, над своим нелепым видом я хохотал больше всех. Моё творение приняли без замечаний... Но предстояло снять ещё два ролика... тоже с животными.

Свои люди Рината Мухамадиева

«Свои люди» — так называется сборник избранных рассказов современного известного татарского писателя, лауреата многих литературных премий, работавшего в своё время председателем Союза писателей Татарстана, затем руководителем Татиздата, Депутата Верховного совета РСФСР, автора нескольких десятков книг, переведённых на многие языки мира, Рината Мухамадиева, ныне главного редактора федеральной газеты «Татарский мир»

Радостно читать такую книгу, осознавая, что, слава Богу, жива ещё настоящая литература, есть бескорыстные люди, отдающие свою жизнь на создание литературных, духовных ценностей, которые будут питать не одно поколение, отдавая сконцентрированную энергию ума, чувств и знаний. Чётко ощущается гражданская и нравственная позиция автора, сюжеты поучительны, как восточные притчи, а благодаря высокой художественной форме — не дидактичны. Тот самый принцип Аристотеля: развлекая, поучать.

Как настоящее классическое произведение, книга пропагандирует вечные ценности человечества в конкретной судьбе, в конкретных обстоятельствах, когда человек обязан делать нравственный выбор. На примерах показывается и почтенье к старшим, как безусловное должное в поведении людей, и трудолюбие, и уважение к людям труда, особо отмечена терпеливость и миролюбивость татарских жён в семейных обстоятельствах. Поражает спектр охвата различных сторон жизни, богатство художественных приёмов, столь органичных, что мастерство кажется естественным природным голосом мастера. У каждого рассказа — своя вибрация, своя аура при сохранении единого стиля внутри произведения: от лёгкого юмора и подтрунивания над собой, что характерно для татарского народа, до эпической восточной поэтики.

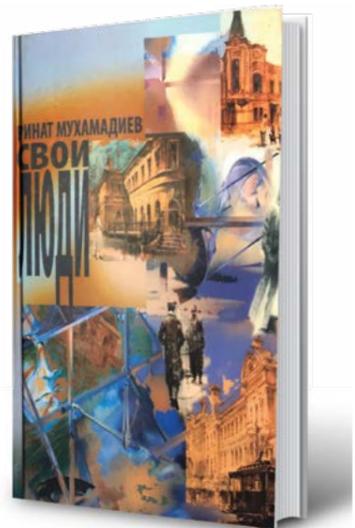
Владение таким спектром говорит не только о наличии у автора литературного дара, но и о снисхождении на него за праведную жизнь и служение людям божественного ильхама-вдохновения. А детальное описание самых разных вещей, например, приёмов резьбы по дереву, или жизни животных или насекомых, превращаются в увлекательное познание. Тот самый случай, когда литература воспитывает своим высоким искусством.

Одушевление в произведении вообще восходит к высочайшим образцам литературы этого жанра. Тут невольно вспоминаешь и «Прощай, Гульсары» и «Белого Бима, чёрное ухо» и другие. Очень много для читателя в этой книге волшебного узнавания. Это свидетельствует об умении автора охватить наиболее общие явления жизни во всём её многообразии, потому-то многие полагают, что отдельные фрагменты написаны будто о них. Дорогого стоит умение передать задушевное звучание народных песен, которые удивительным образом начинают слышать читатель, — это достойно создания отдельной книги, насыщенной пластом фольклорной музыки.

Особо хочется остановиться на гражданской позиции. Казалось бы, даже описание быта простых людей достаточно, чтобы утолить свои творческие амбиции. Ан нет — неравнодушие честного человека, а не стороннего наблюдателя заставляет его по закону совести кричать о социальной несправедливости. И судит он преступивших закон своей алчностью и похотливостью отщепенцев даже самого высокого ранга самой высшей нравственной мерой, имея на это полное моральное право, являясь органичной частью своего честного, богобоязненного народа, несущего веками чувство божественной справедливости. Читая эти рассказы, гордишься принадлежностью к этому чистому душой народу, в центре России сохранившему, несмотря на исторические и социальные катаклизмы, свои нравственные основы, самобытность и традиции человеколюбия.

У большинства читателей нынешнего поколения ещё есть связь со своими деревенскими корнями — напрямую или через жизнь предков, а потому так знакомы и дороги узнаваемые картинки деревенского быта — многолюдного и очеловеченного во всех его проявлениях. Вспоминаются сразу и свои приключения, и свои ситуации в деревенских условиях. И все сюжеты — с неожиданными поворотами, непредсказуемы, с интригой, что очень украшает произведение. Но при этом здесь нет детективной авантюры, всё неожиданно и естественно, как частенько бывает в нашей непредсказуемой жизни, когда те или иные события настигают нас врасплох, некстати, не вовремя. А уж как мы выйдем из этих ситуаций — вопрос нашей внутренней цельности и нравственной зрелости.

Общая мелодия книги, несмотря на весь драматизм судеб, мажорная. Нет безысходности, упадничества, так характерных для нынешнего искусства, когда человек чувствует себя брошенным и никому ненужным. Здесь мы видим примеры того, как выйти из различных тяжёлых жизненных обстоятельств, не теряя чести и совести. Ведь автор влюблён в жизнь, полон надежд на лучшее, и душа поэта по-прежнему не только рассказывает, но и поёт! Огромное спасибо за всё это, Ринат! Счастлив за встречу с твоим творчеством!

Голгофа или Божественная лестница?..

Николай Васильевич Гоголь... Один из самых загадочных русских писателей. Почти двести лет ведутся споры о дате его рождения, предлагаются разные версии событий, связанных с уходом из жизни, и даже прах писателя стал предметом легенд и мистических историй. «Я почитаюсь загадкой для всех, никто не разгадает меня совершенно», — говорил он о себе. И это подтверждают многочисленные статьи, биографические очерки, воспоминания современников, высказывающие интерес не только к творчеству, но и к неординарной личности писателя

В поэме «Голгофа Николая Гоголя» Виталий Свиридов предлагает своё видение, философский взгляд на события двух ночей: первой, печально известной, когда великий писатель сжёг главный труд жизни — продолжение романа «Мёртвые души», и последней, в которую — «утомлённый свободой, закончил свой век». Две ночи. Между ними восемь дней... Что он испытывал в последние свои часы? Какие мысли его обуревали? Крест ли нес на Голгофу или восходил по незримой Божественной лестнице?..

Нужна писательская смелость, чтобы обратиться к теме Гоголя, представив свой вариант событий достаточно известных и в то же время труднообъяснимых и таинственных. Надо отдать должное Виталию: ему это удалось.

Произведения Гоголя очаровывают красотой языка, колоритом образов, стройным рядом, той особенной словесной вязью, которая сродни музыке, но в то же время, далеко не всегда и не для всех проста в восприятии. Одни читаются легко, как сказочные истории, а другие — в силу иронии, язвительности языка, инокаказательности, мистической составляющей, акцентированного внимания на душевных «язвах» человеческого естества, заставляют осмысливать не только события старины, но и иначе взглянуть на современность.

«Гоголю не было образца, не было предшественников ни в русской, ни в иностранных литературах. Все теории, все предания литературные были против него, потому что он был против них. Чтобы понять его, надо было вовсе выкинуть их из головы, забыть об их существовании, — а это для многих значило бы переродиться, умереть и вновь воскреснуть», — писал Виссарион Белинский. Риску предположить, что такая оценка гоголевского творчества выдающимся литературным критиком, может быть отнесена и на счёт автора поэмы «Голгофа Николая Гоголя».

По признанию Виталия, с «темой Гоголя» он вырос. Ещё в детстве, в период летних школьных каникул, в дедовском доме в деревне, читая взапой при свете керосиновой лампы или лунного света, падающего на подоконник через распахнутое в сад окно, начал осмысливать сказочно-таинственные глубины гоголевских произведений. Изучение писательского наследия великого знатока человеческих душ вело к новому миропониманию, и вся взрослая жизнь стала для Виталия прелюдией к поэме о любимом с детства Мастере Слова. И не зря я вынесла в заглавие вопрос «Голгофа или Божественная лестница?», так как, по мнению автора поэмы, пытливно глядяваясь в сохранившуюся летопись жизни и творчества «гениального пересмешника», можно с большой степенью вероятности говорить о духовном подвиге Гоголя, «за короткую свою жизнь преодолевшего пропасть между ветхозаветными Законами раннего язычества и установкой на безоговорочно жертвенный путь во имя Высокой Любви под эгидой русского православия; от ненависти бессердечной к сердечному всепрощению!».

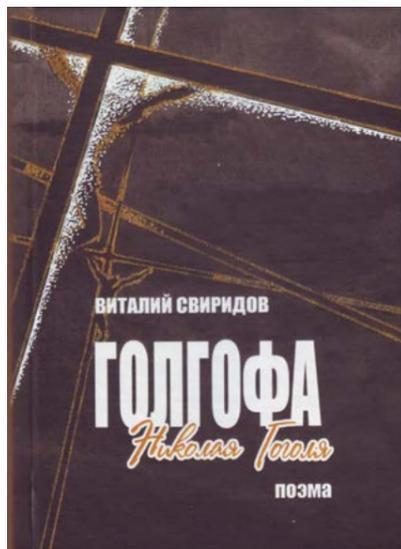
Поэма захватывает и интригует с самого начала, рисуя яркую картинку морозной ночи: «Ветер в ставни, студёный февральский, / Бил всю ночь, обессилев под утро», привнося в повествование некую чертовинку, так хорошо знакомую, характерную для гоголевских произведений.

И спиной повернулась Смерть,
Только взглядом косым обожгла:
«Если хочешь со мной улететь,
Заверши все земные дела»,
И кивнула на топку камина...

«Если хочешь...» — странный вопрос для Смерти. Не правда ли? Но это Гоголь. С ним всё иначе.

«Умереть — дело скорое и лёгкое, жить значительно труднее», — считал Лион Фейхтвангер. Для Гоголя и то, и другое оказалось нелёгким.

Как человек слабого здоровья, предчувствуя недолгую жизнь, он смерти боялся — мог испугаться несущественного недомогания и срочно писать завещание, и в то же время говорил о ней спокойно

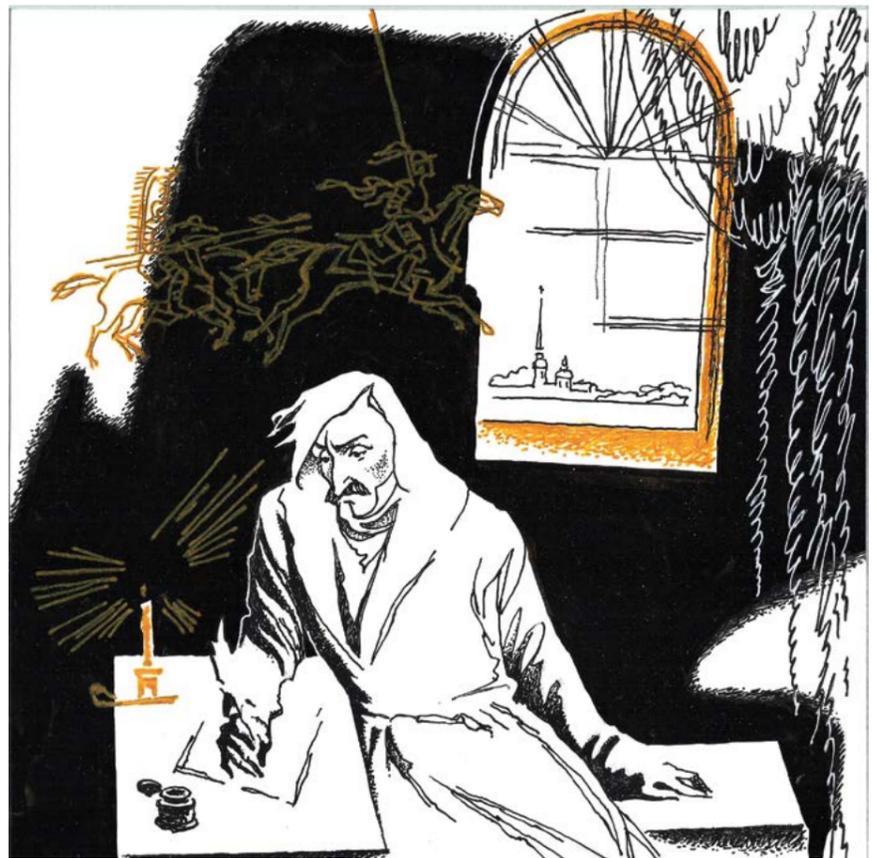

и даже с умиротворением: «Постоянная мысль о смерти воспитывает удивительным образом душу».

Будучи с юных лет уверенным в своём великом предназначении — «...Мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действия и, что я сделаю даже что-то для общего блага», — он следовал жизненному кредо «следует выполнить на земле призвание своё добросовестно и честно».

В тридцать шесть лет Гоголь известен всей России. «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Ночь на Ивана купала», «Арабески», «Миргород», уже издан роман «Похождения Чичикова, или Мёртвые души», — он первый в ряду русских писателей. Но, несмотря на это, — сомнения, колебания, неуверенность в том, что его труды соответствуют той высокой планке, которую он сам для себя установил...

Ах, Создатель Всесущий,
Как Мир твой не прост!..

Тема борьбы добра со злом, тема нравственного совершенствования человека не оригинальна. По большому счёту, каждый писатель вносит свою лепту, представляя читателям свой взгляд, вывернув наизнанку человеческое нутро и показав его достоинства и неблаговидность. Шекспир и Текеррей, Бальзак и Стендаль, Мэриме и Фейхтвангер, Пушкин и Лермонтов, Достоевский и Островский, нравственные искания Пьера Безухова и Андрея Волконского в «Воине и мире» Льва Толстого и духовное становление Жана Вальжана в романе «Отверженные» Виктора Гюго... Да что там художественные произведения! Основные постулаты духовности изложены в священных писаниях всех религий. Это вечная тема, к которой всегда будут возвращаться писатели всех времён и народов.

Всё предвидено Промыслом Божиим — Всякий долей своей наделён:

Крест Голгофы — святым и острожным...

Несмотря на успех первой части «Мёртвых душ» Гоголь считает её лишь преддверием того, что должно родиться во второй. Но несоответствие ожидаемого с воплощённым приводит к тому, что он сжигает свой труд: «Как только пламя унесло последние листы моей книги, её содержание вдруг воскресло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком ещё беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным», — писал он 1845 году. Этот год — один из самых трудных в жизни писателя. Состояние здоровья ухудшалось.

Путешествуя по Европе, в поисках лечения и душевного успокоения, он обращался к врачам по поводу своей болезни, получая разноречивые мнения.

В это время Гоголь отдаёт предпочтение литературе духовного содержания. Позже, в «Авторской исповеди», он напишет: «...почти сам не ведая как, я пришёл ко Христу, увидевши, что в Нём ключ к душе человека...». Протоиерей Иван Базаров, настоятель русской церкви в Висбадене, вспоминал, что это было время, когда Гоголь раскаивался во всём, что им было

написано. Увидев в библиотеке Базарова свои книги, воскликнул: «Как! И эти несчастные попали в вашу библиотеку!».

Повторное написание второго тома шло тяжело. Гоголь отправляется в давно задуманное путешествие в Святые места, надеясь на душевное обновление и обретение сил. Однако и паломничество не приносит ему внутреннего удовлетворения. По его словам, находясь рядом с Гробом Господним, он видел его как во сне и чувствовал в себе лишь «холод сердечный» и как много в нём «себялюбия и самолюбия».

Гоголем-писателем восхищались, но в общении он был человеком сложным, что накладывало отпечаток на его отношения даже с близкими людьми, многие его поступки вызвали непонимание и даже неприятие. Ещё в лицее Гоголь получил от соучеников прозвище «мёртвая мысль» за малую общительность, скрытность, склонность к неожиданным проделкам. А позже, в одном из писем Сергей Аксаков писал: «...поистине я не знаю ни одного человека, который бы любил Гоголя... любил бы не за талант — таких хоть пруд пруди, а помимо таланта, просто как человека...».

Единственное, чему он отдавался всецело, без остатка — было писательство. «Не писать для меня совершенно значило бы то же, что не жить». Как мусорщик Жан Шамет в «Золотой розе» Паустовского, извлекавший из пыли ювелирных мастерских частички золота для розы счастья, так Гоголь вылавливал повсюду жизненные мгновения, из сплава которых получался очередной литературный шедевр. «Всё должно быть взято из жизни, а не придумано досужей фантазией».

Так что заставило писателя во второй раз уничтожить своё творение, труд, которому он придавал большое значение, труд и который должен был содействовать, по мнению автора, не просто духовному совершенствованию общества, а его нравственному переустройству, «воскрешению» мёртвых душ.

«Бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже всё поколе-

ные к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости...» — писал Гоголь в одном из писем. И это блестяще получилось у него в первой части романа. Но во второй задача оказалась сложнее... Да и под силу ли человеку «воскрешать души»?

Писателя до последнего мучает мысль о несвершённом, о ноше, оказавшейся непосильной. Он уже видит в идее второго тома не посланное Свыше, а дьявольское наваждение — земное спорит с духовным, возвышенным, и в который раз возникает образ Голгофы:

Ничего в изменённом сознании,
Хоть кричи на весь мир, хоть молчи —
Только нервная дрожь покаяния
на губах,
Только пламя свечи...
Да под сердцем змея окающая —
Родовой непрощённый грех.
Видно, было не впрок наказание
на кресте —
Одного за всех...

И тут нельзя не согласиться с мнением Николая Берга: «Была ли это минута просветления, минута высокого торжества духа над телом, убаюканным льстивыми словами недалёковидных и добродушных друзей, — минута, когда великий художник проснулся в слабом, отходящем в иную жизнь человеке и сказал: "Нет! это не то, что нужно... задача не выполнена: сожги!"...».

Не оттого ли последними словами великого писателя, победившего в себе земное, нашедшего силы уничтожить своё творение, которое он вынашивал как дитя столько лет, были слова о лестнице:

Дайте мне лестницу!
Лест-ни-цу дайте
для восхождения...
Изморженное тело уложили в кровать.
В рот залили вина от припадка...
Потрясённый слуга
слёз не мог удержать, —
Он невольно услышал: «Как сладко...
Ах, как сладко мне умирать!...»

Разные лестницы встречаются в произведениях Гоголя: «Воздушные ступени» — в «Сорочинской ярмарке», лестницы, облитые помоями — в «Шинели», лестницы, по которым души уходят в небо — в «Майской ночи»...

Образ лестницы, отложившийся в памяти Гоголя ещё в детстве, сопровождал его всю жизнь. Но каждый раз это был образ восхождения, нравственного очищения, преодоления себя, победы над человеческими слабостями.

Когда вместо долгожданного продолжения «Мёртвых душ» свет увидела книга «Выбранные места из переписки с друзьями», она была настолько неоднозначно принята читающей публикой, что её даже определили как самую скандальную публикацию писателя. Сам же автор, назвав этот труд «историей своей собственной души», в предисловии обращался к «соотечественникам» с настоятельной просьбой прочитать книгу несколько раз. С такой же просьбой мне хочется обратиться и к читателям поэмы «Голгофа Николая Гоголя».

У произведения удивительное свойство: чем глубже «входишь» в него, тем оно становится объёмней, расширяется временной интервал, тем яснее видно, что в небольшом произведении автору удалось вместить целую жизнь писателя, его страхи, сомнения, победы, любовь и нелюбовь. Высокий, «звонящий» эмоциональный накал заставляет прочитать поэму на одном дыхании и держит в напряжении до конца. Трудно представить, какой огромный авторский труд предшествовал появлению такого мощного поэтического произведения.

Виталию Свиридову удалось создать ёмкое по смыслу и многогранное в философском плане произведение, в котором духовный подвиг даёт толчок для переосмысления мировосприятия и для поиска новых ответов на вечные вопросы бытия.

Наталья МОРОЗОВА-МАВРОДИ

Пушкинская осень в Кишинёве

Для Молдовы осень — не только пора фестивалей вина и оперного искусства, но время, когда у всех на устах имя Пушкина

21 сентября 1820 года поэт не по своей воле въехал в Кишинёв после путешествий из Петербурга по югу России, Кавказу и Крыму. Он остановился в маленькой гостинице — заезжем доме купца И.Н.Наумова, где ныне располагается мемориальная часть Дома-музея А.С.Пушкина, которая доныне хранит «память пушкинских следов».

Два года назад в Кишинёве побывал последний потомок гения по мужской линии — А.А.Пушкин со своей супругой М.А.Пушкиной-Дурново, также продолжающей род Пушкиных и Гоголей. И вот новая пушкинская осень в Кишинёве собрала свой очередной урожай.

Дом-музей А.С.Пушкина в Кишинёве вместе с замечательным литературным фестивалем «Пушкинская горка» (его создатель и бессменный двигатель — председатель Ассоциации русских писателей в Молдове Олеся Рудягина) встречал гостей из писательских союзов России, известных мастеров слова: поэтов Виктора Кирюшина и Станислава Минакова, прозаиков Светлану Василенко и Игоря Михайлова (Попова), из Белоруссии — поэтов Олега Зайцева и Валентину Поликанину, из Украины — одесского поэта и издателя Сергея Главацкого, а также главного редактора «ОЛГ» поэта Владимира Фёдорова.

В эти же дни в Доме-музее прошло подведение итогов традиционного городского конкурса учащихся «Пушкинская осень», осящённого именем гения, навеки связавшего Молдову с Россией. В 1960-е годы призёром этого конкурса стала школьница А.Юнко — впоследствии знаменитая журналистка, поэтесса, прозаик, которая долгие годы вела страницу «Мой Пушкин» в молдавской газете «Русское слово».

На нынешнем празднике своего Пушкина в литературно-музыкальной программе представили ученики русских и молдавских лицеев и колледжей, педа-

гоги которых не один год сотрудничают с музеем. К празднику музей получил и необычный подарок от народного артиста И.В.Кваснюка, когда-то стажировавшегося в Большом театре, — костюм Онегина, в котором он пел заглавную партию в опере П.И. Чайковского.

В главном кишинёвском парке, который первоначально носил имя Александра I, потом его тётки Александра Пушкина, а ныне именуется Публичным садом им. Стефана Великого и Святого, местные литераторы с учащимися русского и украинского лицеев возложили цветы к монументу поэта, проч-

увлек зрителей музыкальными посвящениями. Пьеса С.Я.Рахмановой, написанная к 2000-летию гибели римского поэта-изгнанника Публия Овидия Назона в молдавском Причерноморье, с судьбой которого сравнивал свою жизнь в наших краях Пушкин, вызвала искренние эмоции гостей вечера. Участниками марафона, помимо лицеистов и студийцев, были члены старейшего кишинёвского литературного клуба «Universul» и музыкального клуба «Элегия», также украсившие вечер своими номерами. Одним из самых интересных было выступление известного

Гости фестиваля у Дома-музея поэта

ли стихи Пушкина и обращённые к нему поэтические послания последователей XX и XXI веков, а затем все вместе с удовольствием включились в флешмоб: собрав спелые каштаны, сложили из них у пьедестала памятника великому имя — «Пушкин». Продолжением праздника стала программа в Доме-музее, где учащиеся лицея «Светоч» представили костюмированные постановки пушкинских сказок.

Самым продолжительным подношением поэту стал, по традиции, Пушкинский марафон, который Дом-музей проводит совместно с русской городской библиотекой им. М.В.Ломоносова три раза в году: ко дню рождения Пушкина, дню его памяти и дню приезда в Кишинёв. Открылся марафон рассказом о приезде Пушкина на окраину Российской империи и сразу

молдавского историка П.М. Шорникова о служении Отечеству и мировому культурному процессу на примерах Пушкина, Айвазовского, Тургенева...

Традиционным стало и заключение марафона, когда все присутствующие хором прочли строки знаменитого «Памятника», чтобы ещё раз ощутить состояние, когда мы «Пушкиным аукаемся».

Пушкинская осень Кишинёва продолжается, впереди Лицейские дни, и скоро шумные ватаги молодёжи заполнят музейный двор, чтобы принести клятву верности добру, миру, чести и готовности обретать знания.

Марина ПОДЛЕСНАЯ,
музеограф Дома-музея
А.С.Пушкина в Кишинёве

Как на свете без любви прожить?!

«Огней так много золотых на улицах Саратова», «От людей на деревне не спрятаться», «Как на свете без любви прожить», — эти знакомые нам с детства песни столь популярны, что многие считают их народными. На самом деле автор — советский и российский поэт Николай Доризо, которому 22 октября исполнилось бы 95 лет

К этой дате сотрудники симферопольской библиотеки им. М.М. Коцюбинского организовали для посетителей отделения центра социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов музыкально-поэтическое посвящение «Крым существует для солнца» и подготовили информационно-краеведческий буклет «Счастливый человек Николай Доризо».

Эпиграфом мероприятия стали строки Николая Доризо, восхищавшегося крымской природой:

А в Крыму осень...
желтая, зеленая, багряная,
Голубая, тихая, стеклянная...
Может, в эти краски,

может, в эти листья
Ренуар обмакивал задумчивые кисти?
Участники мероприятия узнали, что Доризо сочинил песни более чем к сорока фильмам, многие из них стали классикой

отечественного кино. «Мне несказанно повезло сочинять песни к замечательным фильмам "Разные судьбы", "Простая история", "Дело было в Пенькове", — писал Николай Доризо.

В этот день ценители его творчества могли ещё раз послушать песни «На тот большак, на перекрёсток», «Почему ж ты мне не встретишься» и другие. Дамы постарше с ностальгией вспоминали, что эти песни в разное время исполняли Сергей Лемешев, Вячеслав Тихонов, Марк Бернес, Людмила Гурченко, и увлечённо включались в беседу о жизни и творчестве юбиляра, — многие

узнавали свою молодость в стихотворениях «Бабушка», «Мать и дочь», «Песня о любви», «Лишь в одном виновата...».

Николай Константинович говорил: «Я считаю, что всё от Бога; и моё творчество, и везение... Мне грех жаловаться на жизнь. У меня прекрасная семья, дети, внуки. За последние годы я написал много стихотворений, выходит новая книга. Пишут благодарные читатели... Чего ещё можно желать? Я счастливый человек».

Таким был и вечер — с лёгкой печалью и всё же — счастливый. А под занавес состоялся творческая викторина «Любимые песни на стихи Доризо» и обзор книжной выставки «Заветная память души поэта-песенника», украшением которой стал краеведческий сборник «Крым поэтический» со стихотворениями Николая Доризо.

Вера КОВАЛЕНКО

Аэропорт немецкого города Дюссельдорф встретил наш самолёт по-настоящему тёплой летней погодой... Сейчас я увижусь с Галиной — моей одноклассницей. Судьба разлучила нас ещё в 1997 году, и с той поры лишь однажды Галя Лехер ненадолго приезжала в мой родной Кызыл по случаю торжества, посвящённого сразу двум юбилеям — Республики Тува и её столицы. Наконец-то я снова смогла обнять любимую подругу! Невозможно описать радость этой встречи. И удивительна сама история нашей дружбы.

...Ехать из аэропорта в город Минден, где живёт подруга, пришлось поездом, и по дороге мы мысленно возвращались в небольшой тувинский посёлок Мугур-Аксы, что в самом отдалённом от столичного Кызыла Монгун-Тайгинском районе. Вокруг — высокие горы с вечными ледниками. В моей школе — ни одного русскоязычного ученика. И вдруг новость: к нам приезжают сразу несколько русских учителей! Весть об этом мгновенно облетела каждый дом.

В числе новосёлов — семья учителя Иннокентия Павловича Угдыжекова. Его жена, Нина Егоровна Лехер, устроилась нянечкой-техничкой в школе-интернате. Сыновья Ваня и Витя были ещё совсем малышами, а Галя Лехер, для которой Иннокентий Павлович был отчимом, стала моей одноклассницей. Мы сразу подружались и с первых же дней решили учить друг друга: я её — тувинскому языку, а она меня — русскому, который очень нелегко мне давался. Хотя Галя жила далеко, — их дом находился за речкой Мугур у подножия Кара-Дага, — я часто ходила к ней, и укрепляла свои навыки общения на русском языке. А Галя оказалась очень способной к изучению моего родного, тувинского...

Жители посёлка скоро заметили, что русская девушка здорово научилась говорить по-нашему. У неё и по другим предметам были отличные оценки. Я же так и не смогла дотянуть свой русский до «пятерки». В моём аттестате эта «четвёрка» — единственная, о чём всю жизнь продолжаю сожалеть и по возможности навёрстывать упущенное...

Разговорились мы с Галей и о мамах. Удивительное совпадение: обе своих младшеньких родили в 42-летнем возрасте. Подруга часто нянчилась с братишкой Витей, третьим у её мамы, а я с сестрёнкой Улей, двенадцатой в нашей семье. Галя мама, к моему восхищению, после каждодневных забот по дому успевала ещё читать классическую литературу: как-то, помню, застала её за романом «Война и мир»... И про отца Гали вспомнили, о его умении дружить с местными, о частых дискуссиях с коллегами на самые разные темы. А как он учил русскому языку! Это был Учитель с большой буквы — эрудированный и очень добрый.

...В те далёкие годы — а это были шестидесятые — школа была совсем новой, с активным залом и спортивным. Занятий после уроков — хоть отбавляй. И мы вместе с Галей играли в волейбол. А ещё у нас были комсомольские обязанности (нас отменяли даже на уровне райкома ВЛКСМ), выпуск стенгазет и школьные спектакли, помощь младшим школьникам (для интерната даже дрова кололи), шефская забота о пенсионерах и инвалидах посёлка. Это всё — в порядке вещей, бесплатно и с удовольствием: так мы учились в советское время. Моя подруга среди других отличалась простотой, добротой, щедростью, открытостью, умением находить общий язык с людьми и была примером целеустремлённости и большой тяги к учёбе.

Мы наперебой называли имена своих любимых учителей и одноклассников... Ну как было не вспомнить Долгун Баазановну Донгак — она учила нас родному языку и литературе. А Аллу Яковлевну Гринёву, преподавателя русского языка и литературы, — эти уроки мы любили больше всего. Алла Яковлевна приехала в нашу глушь из Омска. Для неё, попавшей в гор-

ное тувинское село по распределению, всё здесь было непривычным. Колоть дрова и растапливать печь она не умела, и мы с Галей с удовольствием помогали любимой учительнице, а она угощала нас печеньем и кофе, его я впервые попробовала у неё в гостях.

Электричество в наших домах отключали уже в одиннадцать вечера, но мы продолжали делать уроки и при свете керосиновой лампы. Или читать. Школа в

Мугур-Аксах нам обеим дала главное: тягу к знаниям...

После школы я поступила в Томский медицинский, а Галя в Кызылский педагогический институт, на физико-математический факультет. Как и в школе, она училась отлично, успевала заниматься общественной работой. Была старостой, председателем студсовета и даже членом горкома комсомола. Мне довелось быть у неё в общежитии, и эту комнатку вспоминаю с восторгом — настолько там царил порядок! Оставшись по окончании института в Кызыле, Галя пошла работать в школу учителем математики, была на комсомольской работе, прошла путь от рядового учителя до директора. Затем она заочно окончила кафедру информатики Тувинского университета, а в 1997-м году с мужем и детьми переехала в Германию, в город Дрезден. С двумя высшими образованиями Галя работу нашла быстро, а потом перебралась с семьёй в Минден.

Германия меня поразила, прежде всего, уровнем комфорта. Моя подруга живёт в двухэтажном особняке, где девять комнат, у неё и её мужа Володи — по машине. Тут и гараж, и палисадник, больше похожий на ботанический сад, так много в нём цветов... У сына Игоря свой дом, тоже двухэтажный, где он проживает с женой и детьми. По выходным все собираются у мамы, а на столе у неё — всегда блины. Звучит музыка, радуют глаз цветущие деревья и кустарники... Помощь в хозяйстве оказывает сосед-немец 88 лет, ещё крепкий и надёжный мужчина: ему Галя и Володя доверяют дом, когда уезжают в Россию — в

Туву или Хакасию. В быту, кажется, всё предусмотрено — посудомоечная машина, экономный режим электроэнергии, бесшумные двери и множество других удобных мелочей. На немецком Галя говорит как на родном русском, и тувинский не забыла.

Вместо заборов между домами — огромные вечнозелёные хвойные деревья, чаще туя. У каждого квадратного метра территории есть свой хозяин, который несёт за неё ответственность. Если прохожий поскользнулся и сломал ногу или руку из-за небрежной дороги, он может обратиться в суд за денежной компенсацией. Бросается в глаза аккуратность и педантичность жителей Германии. Финансы семьи тщательно фиксируются в специальных книжках, продукты закупаются на неделю по пятницам и субботам по списку, заготовленному заранее. Факт, требующий особого одобрения: житель Германии никогда не плюнет на асфальт — так его воспитали.

В Германии нигде не валяются пустые пластиковые бутылки: напиток дешевле, чем упаковка. А немцы умеют считать деньги... И вот ещё что. Ни один народ не действует так сообща, не любит так двигаться массами, как немцы. Это можно наблюдать везде и во всём. Жители этой страны с большим успехом работают сообща в поле, на предприятиях и выполняют всякое дело очень быстро. При этом немецкий работник одинаково аккуратно трудится как в начале, так и в конце рабочего процесса.

На выходных мы побывали в сауне с бассейнами. Гале с Володей к этому не привыкать: дважды в неделю они купаются и занимаются аква-аэробикой под музыку, личный тренер всегда рядом, всё контролирует.

Гале было интересно, как мы живём. Я рассказала ей о большом празднике в Монгун-Тайге, где были конные скачки и соревнования по национальной борьбе.

Не заметить светофоров в этой стране невозможно: они расположены попарно, иногда по три-четыре в ряд. Если хватит сил и бензина, можно запросто проехать из одного конца страны в другой, ни разу не останавливаясь. На лёгких поворотах полотно дороги из соображений безопасности положено под небольшим углом, а на спусках применяется пористое покрытие, чтобы при дожде не собиралась вода. На возвышениях можно увидеть специальные аккуратные заборы, защищающие дорогу от холодного ветра, формирующего гололёд. А чистота дорог в Германии — это, конечно, особая примета.

У немецких автобусов выхлопная труба расположена не внизу, а сверху, так что вредные вещества улетучиваются в атмосферу, минуя лёгкие человека. А уж по точности времени движения немецких автобусов можно часы сверять. И на железнодорожном вокзале, будь уверен, в течение часа уедешь в нужном направлении. Крупные города связаны сетью экспрессов с продуманной системой пересадок, а купить билеты можно и в пути. Строго действует закон о запрете курения в поездах, и никто его не нарушает. Из вагона легко позвонить по телефону даже за границу.

У всех немцев, и у семьи Галины, особое пристрастие — велосипед. Мужчины ездят на нём в модных пиджаках и при галстуках, а женщины — в туфлях на высоком каблуке — и на работу, и в гости и даже в театр. Особо обращают на себя внимание аккуратные старушки «на колесах». Ездить за покупками на велосипеде здесь так же привычно, как и ходить пешком. А специальные велосипедные дорожки часто тянутся даже между городами, в стороне от шоссе.

Подарила ей свои книги: «В краю вечных ледников», «В юрте бабушки Дыртыганы», «Мама Нади Рушевой». Галя порадовалась за меня, узнав, что я учусь в Литературном институте имени А.М. Горького. И особенно искренне восхитилась, когда мы заговорили о моей семье, тому, что я её опередила: у меня четверо детей и пятеро внучат. Я рассказала о «родовом древе», которое я составила под руководством московского историка Евгения Пажитнова. Галя тоже загорелась этой идеей.

По линии матери предки моей подруги с Поволжья: Егор Егорович и Мария Карловна Лехер. Поволжских немцев в начале Великой Отечественной войны выслали в Хакасию. Галя же родилась в Челябинской области в 1952 году, лишь через год власти страны разрешили её маме воссоединиться с родителями. Вот так моя подруга и оказалась в хакасских краях...

О многом мы говорили с подругой... И про эмигрантов из России, и про беженцев... Оказывается, беженцы получают жильё и приличное пособие, а пройдя языковые курсы, устраиваются на работу сами или через биржу труда. Я сравнила их пенсии, пособия и зарплаты с нашими: увь, сравнения не в нашу пользу. С какой-то тревогой и грустью Галя заметила: «Россия, в том числе и Тува, удивительно богата. И то, что дано Богом, должно принадлежать всем, а не только избранным...»

В день своего отъезда домой я на прощание от всей души пожелала семье подруги благополучия и счастья. И у нас, надеюсь, когда-нибудь всё будет так, как пожелала мне Галя Лехер. И сказала она мне это на моём родном тувинском языке.

Правда поступка и точность слова

Всю жизнь Юрий Беличенко писал стихи. Он любил Лермонтова и мечтал написать книгу о нём, чтобы развеять домыслы и житейские легенды, заслоняющие собой величие духовного подвига этого неразгаданного русского гения. Лермонтов был офицером и служил на Кавказе. Чтобы понять детали его жизненного пути, проникнуть в мотивы поступков, необходимо знать логику офицерского существования, букву военного распорядка. И, конечно же, нужно любить того, о ком пишешь, доверять его нравственным предпочтениям. Юрий Беличенко — русский офицер другого века, и это обстоятельство стало

краеугольным в его кропотливой и неустанной работе над лермонтовской биографией. Книга о Лермонтове как будто подводила итог жизни исследователя, и совсем не случайно венчающая её благодарность Богу — за то, что дал силы и срок завершить сей труд. Журнал «Подъём» напечатал эту работу Юрия Беличенко под названием «Лермонтов», тем самым обозначив основательность и не частность суждений её автора. Она читается увлечённо и оставляет светлое впечатление — так бывает, когда узнаёшь новое о любимом человеке, когда встречаешь ещё одно свидетельство его чистоты и духов-

ной стойкости, когда видишь: рассказчик внимателен и непредвзят и его занимает правда поступка и точность слова.

Написав книгу о Лермонтове, Юрий Беличенко удивительно вырос как поэт — в его стихах появилось неуловимое знание о том, что есть жизнь, и что мы в ней значим. Притом детали мира в его стихах не стёрлись философским рассуждением, но умножились и удивительно упорядочились, как будто подчёркивая красоту и порядок Божьего Творения. Поэт предстал перед своим читателем каким-то другим человеком — словно стоящим на мистической

черте, что разделяет мир земной — живой, но тленный, и мир неведомый, заветный, вечно живой, не знающий смерти, свободный от лжи и зла.

Этот земной облик поэта был с нами недолго... Однако, мы услышали его слова и знаем, что свой духовный долг он исполнил. Его пример — поучителен и высок ещё и потому, что реальность, в которой мы сегодня живём, более всего располагает к низменному и мгновенному. И теперь уже нам поручено служение свету и чистоте. И дай нам Бог сил на это.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Юрий БЕЛИЧЕНКО (1939–2002)

Родом с Кубани (станция Крымская, Краснодарский край). Отец — лётчик, воевал на штурмовиках ИЛ-2; вернулся с войны без единой царапины... Мать — учёный-плодовод, сотрудница Мичурина. (В 1941 году фашисты едва не расстреляли её вместе с маленьким сыном — выручили партизаны.)

Окончив Харьковский политех, Беличенко стал военным: «Сперва — ракетчиком, потом газетчиком: от танковой «дивизионки» до нынешней «Красной звезды», — как написал он в автобиографии. Выпускник Донецкого высшего военно-политического училища, позже окончивший Литинститут, полковник Юрий Беличенко — автор девяти книг стихотворений и документального повествования «Лета Лермонтова». Лауреат премий журналов «Огонёк» и «Москва», премии имени М.Ю. Лермонтова. Награждён серебряной медалью имени Александра Фадеева. До последних дней своей жизни работал главным редактором газеты «Красная звезда»

Для тех, кто останется жить...

***

*Что ты заводишь песню военную
Флейте подобно, милый снигирь?..
Г. Державин*

С утра морозно. Над домами
Дымы стоят веретеном.
Снигирь в гусарском доломане
Клюёт рябину за окном.
В снегах, вдали от жизни светской,
От службы царской ли, советской,
По чьей-то воле или вине
Отставлен — я живу, как пленный,
сменив суровый шарф военный
на разгильдяйское кашне.
Судьбе и веку благодарный,
почти не явленный числом,
осколок рати легендарной,
зачем-то пущенной на слом,
я не иду в себе героя —
Я лучше печку растоплю.
Музыку нежную настрою
да бабу снежную слеплю.
Да на границе огорода
для снега выстрою заплот...
Когда в России нет народа —
то каждый сам себе народ.
А куст рябины, чуть оттаяв,
с ветвей отряхивает лёд...
Снигирь клюёт — как Чаадаев
своё Отечество клюёт...
О, сколько их, таких свободных,
страну клюющих задарма,
отменно умных, благородных,
но всё же сдвинутых с ума,
казнимых, каторжных, болящих
родило в замыслах благих
свободу блуда — для гулящих,
свободу слова — для глухих!
Обманы те и те порывы,
увы, я знаю по себе.
И вот живу теперь, как рыба
с крючком на порванной губе.
Неволи нет. И нет желаний
вменять порядок мировой.
А день уходит за елани...
Лети, снигирь, пока живой!
Лети над изморозью пенной,
калину сладкую ищи.
Но только больше песнь военную
на русской флейте не свищи!

***

Нам досталась такая страна,
что к душе прирастает, как кожа, —
где кругами идут времена,
а иконы — на близких похожи.

Где не с каждой шуткой смешно,
и не всякая слава стодится.
Где достаток иметь не грешно,
а богатства — привыкли стыдиться.

Здесь у нас выпивают легко:
с полведра ухлебнут — и не охнут.
А по рекам течёт молоко,
только рыбы от этогодохнут.

И какой-то родительский свет
насыщает деревья и травы.
Но в пророках — Отечества нет,
а спасатели — вечно не правы.

Выйдешь ночью — большая луна
за леса свои зарева прячет.
У вокзала гулянка хмельна
под советскую музыку плачет.

Задевая за кроны деревьев,
ходят звёзды по вечному кругу.
И какой-то неясный припев
добавляется каждому звуку.

И глядишь, как с осенних дубрав
прилетает листва золотая.
И стоишь, как последний дурак,
непонятные слёзы глотая...

***

В соловьиную ночь на Бориса и Глеба
кочевала заря по окраинам неба.
Отдыхая, тяжёлые руки легчали.
И не ведало солнце беды и печали.
И костёр веселился, по сучьям летая,
как летает по юности жизнь молодая.
И о счастье заботиться было нелепо
в соловьиную ночь на Бориса и Глеба.
А вокруг по садам соловьи распевали,
словно вечные клятвы друг другу давали,
уверяли, что смерти для любящих нету.
И хотелось поверить в нелепицу эту.
Ах Россия, Россия, крестьянское поле!
Всё ты воля хотела — но где твоя воля? —

На пространствах твоих,
как печальная треба,
повторяются судьбы Бориса и Глеба.
А вокруг по садам соловьи не смолкали;
то певучие клювы в заре полоскали,
то в летучие флейты искусно дышали,
так печально и сладко —
как жизнь провожали.

Но хотелось,
чтоб жизнь никогда не кончалась,
и над нею — дубовая ветка качалась,
и, дожди насылая на тёплое лето,
в деревянной кадлушке

плескались планеты.
Чтобы наши надежды и наши страдания
трепетали всю ночь в соловьиной гортани.
Чтобы, зябкое тело моё согревая,
истлевала, как сердце, зола костровая...
А когда я уеду из этого дома
на сосновый бугор в молодую урёму,
принеси мне вина и можайского хлеба
в соловьиную ночь на Бориса и Глеба.

На поре молодой, на заре соловьиной
помолчим,
как бывало в той жизни недлинной.
Посиди, коль не страшно,
со мной до рассвета.

Может, смерти
и вправду для любящих нету...

Прощёное воскресенье

Оле

Возраст и март. Голубое мерцанье небес.
Маковый цвет,
наполняющий ветви берёзы.

При расставании с милой
невольные слёзы.
И, как сорока, во тьму ускользающий лес.
Ах, как банально, мне скажут,
твоё ремесло!

Сколько у прежних про это
написано было?
Это — во мне, а у тех, кого было, — прошло.
Было похожее — год или много назад.
Но лишь текущее наново нами творимо.
Разве рябые поляны в лесу повторимы?
Разве вон те облака повернутся назад?
Возраст, и март, и берёз розоватая даль.
В слово «прощенье»
всё больше приходит прощанья.

Даже в снегу
или звонких синиц совещанье —
краткость минуты,
в которой пролита печаль.
Липы с утра стали старые ветки ломать,
вместе с сосульками
выпустив искорки света.
Разве я так бы сегодня почувствовал это,
если бы знал, что жива моя старая мать?!
А на полянах, гудящие улы маня,
через неделю всюю разгуляется верба.
Разве о том же расскажет тебе наша верба
в марте, в котором впервые не будет меня?!
И на банальные чувства не надо грешить.
Не существует банальных ни слов,
ни предметов.
И по-другому наступит грядущее лето.
Но не для всех. А для тех,
кто останется жить...

***

Когда тревога вставит ногу в стремя,
и, убывая, загорится время,
и мы пойдём, смывая зелень,
за танками, надев противогазы,
на жизнь и смерть по голосу приказа —
любовь моя, не покидай меня!
Когда в горах или пустыне дальней
придёт последний час исповедальный
на линии прицельного огня,
то, этот час доверив нашей чести,
не одного — с товарищами вместе —
любовь моя, не покидай меня!
Когда в кругу весёлого застолья,
где и стихи, и речи льются вольно,
и, нас полунамеками маня,
горят глаза и светят чьи-то лица, —
дай руку мне, дай сердцу не разбиться,
любовь моя, не покидай меня!
И даже там, где только тьма немая,
а женщина, другого обнимая
и об ушедшем память не храня,
посмотрит ввысь. Когда с небесной кручи
скользит на землю метеор падучий, —
любовь моя, не покидай меня!

За жизнь грядущую в ответе

В Московском доме национальностей состоялся Всероссийский форум, посвящённый 75-й годовщине освобождения Смоленской и Брянской земли от немецко-фашистских оккупантов

На мероприятии присутствовали представители Союза писателей России, общественного движения «Россия Православная», Российского военно-исторического общества, Межгосударственного союза городов-героев, Историко-патриотического центра «Наследники Победы» и национальных общественных организаций. Присутствующие почтили память погибших в Великой Отечественной войне минутой молчания.

В своем выступлении Протоиерей Лев Семёнов высказал мнение, что невозможно заставить россиян делать что-либо про-

тив их воли — так было в военные времена, так есть и так будет.

Председатель Союза писателей России Николай Иванов сделал акцент на том, что защита Отечества провозглашалась священным долгом каждого, воспитан-

ного на советской литературе, в которой главным героем был человек труда, защитник Родины, строитель нового общества.

Председатель Московской городской писательской организации Владимир Бояринов рассказал о том, как важно сохранять историческую память и передавать её молодёжи.

Также на форуме выступили представители юношеского исторического радиожурнала «Голоса», военно-научного общества при ЦДРА, научно-просветительской секции Российского военно-исторического общества и многие другие.

В продолжение мероприятия прошёл музыкально-поэтический семинар «Поэзия мужества и героизма». Председатель Клуба писателей, выпускников Литературного института им. А.М. Горького Галина Дубинина под музыку по стихам

поэтов-фронтовиков «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины» рассказала о шестивии писателем Бессмертного полка. Прозвучали стихи современных поэтов Александра Карпенко, Татьяны Хатиной, Юрия и Светланы Андрейчук, Игоря Мухина и других.

О высоких качествах и непреходящих ценностях человеческой души звучали поэтические произведения представителей Славянской литературной и художественной академии Людмилы Снитенко, вице-президента Академии «Русский СЛОГ» Бориса Рябухина, пресс-секретаря и руководителя отдела «Литература и кино» Натальи Шахназаровой и других.

Поэтические произведения стали важнейшим напоминанием о ценности и хрупкости человеческих жизней, о важности мира и добрососедства с каждой страной и народом.

Людмила ЗАЙЦЕВА,
член Союза журналистов России

«И только небо в голубых глазах поэта...»

Впервые в Москве выдающийся русский поэт, основатель Ордена куртуазных маньеристов, член Международного сообщества писательских союзов, Московской областной организации СПР, Союза российских писателей, Виктор Пеленягрэ даёт свой творческий концерт

Виктор Пеленягрэ — автор десятков песенных мега-хитов. На его написана музыку такими замечательными композиторами, как Раймонд Паулс, Игорь Крутой, Игорь Матвиенко, Александр Костюк, Александр Добронравов, Анатолий Днепров, Игорь Слуцкий и другие.

На вечер прозвучат стихи маэстро и всеми любимые бессмертные хиты в исполнении звёзд российской эстрады: «Позови меня тихо по имени», «Шарманка», «Как упоительны в России вечера», «Девочка», «За нами Путин и Сталинград», «Я вышла на Пикадилли», «Латинский квартал», «Акапулько» и другие.

Лауреат различных песенных конкурсов: от первого шоу «50/50» до «Золотого граммофона», неоднократный финалист «Песни года», всенародной премии «Шансон». Удостоен Национальной музыкальной премии «Овация». Лауреат Венецианской премии за лучшую поэтическую книгу. Лауреат Московской областной литературной премии им. Ярослава Смелякова.

Концерт «Как упоительны в России вечера» пройдёт 2 декабря в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя. Начало в 19-00.

«Есенинская осень» в Оренбуржье

Настоящим событием культурной жизни Оренбургского региона стал третий по счёту фестиваль «Есенинская осень», собравший множество ценителей есенинской поэзии, среди которых, что особенно отрадно, становится всё больше школьников и молодёжи

Сегодня «Есенинская осень» собирает воедино литераторов, музыкантов, краеведов, декламаторов, бардов, инструменталистов, актёров... Фестиваль как бы коронует есенинский октябрь с его викторинами по творчеству поэта, презентациями книжных выставок и часов поэзии, акциями «Читаем стихи Сергея Есенина», виртуальными есенинскими путешествиями, конкурсами детских рисунков «Золотая осень в творчестве Сергея Есенина» и другими мероприятиями.

Перед зрителями распахнулся настольный импровизированный «Есенинский бульвар» с целым рядом креативных площадок и мастер-классов, где можно научиться основам прикладного творчества, познакомиться с редкими есенинскими изданиями, приобщиться к навыкам крестьянского быта, продегустировать любимые поэтом блюда, сфотографироваться в Есенинской фотозоне, полюбоваться авторскими костюмами в древнерусском славянском стиле от члена Союза художников России Ольги Нагорной... Каждая площадка призвана чем-то удивить гостей!

За свою короткую и такую яркую жизнь Есенин успел побывать во многих градах и весях страны, которую воспеал с непревзойдённой доселе силой. Самый протяжённый свой маршрут в Туркестан и Оренбургские степи поэт выбрал не только от любви к экзотике. Он фактически не только проделал путь боготворимого им Пушкина в Оренбуржье, но и удлинил пушкинский маршрут. Поездка завершилась гениальным творческим результатом — исторической драмой «Пугачёв».

Вопрос о пребывании Есенина в Оренбурге горяч до сих пор! Одни исследователи пишут, что Есенин был в Оренбуржье лишь проездом в Таш-

кент. Другие утверждают, что поэт останавливался в Оренбурге и провёл здесь несколько дней, знакомясь с городом и его окрестностями, изучая казачий быт и даже, несмотря на начало мая, купаясь в Урале...

Ясно одно — об Оренбуржье Есенин знал не понаслышке. И увековечил его своим небесным пером с удивительной силой! Кстати, многие друзья поэта были родом из наших краев. Здесь едва ли не первым следует назвать уроженца Шарлыкского района Оренбуржья Василия Наседкина, с которым Есенина связывала не только близкая дружба, но и родство: Наседкин был женат на сестре Есенина Екатерине.

Дружеские и творческие связи были у Есенина и с уроженцами-выходцами из Бугурусланского района Михаилом Герасимовым и Дмитрием Мальшевым (Морским). Можно назвать ещё целый ряд оренбургских писателей из числа есенинского центра притяжения: Александр Неворов, автор повести «Ташкент — город хлебный», Лидия Сейфуллина и Валерьян Правдухин, Сергей Гусев-Оренбургский. Душевные отношения поддерживал Есенин с поэтом Александром Ширяевцем, который был родом из Самарской губернии, куда до революции входила часть нынешнего Оренбуржья. В далёком степном Оренбуржье Есенин ещё при жизни стал властителем умов, в особенности, молодёжи. Многочисленные по-

клонники Есенина тяжело переживали его трагическую гибель, проведя в Оренбурге в январе 1926 года вечер памяти поэта.

От имени авторов Оренбургского литобъединения им.С.Т.Аксакова хотелось бы выразить благодарность организаторам фестиваля за приглашение. Мы на сей раз решили не ограничиваться стихами в авторском исполнении и привезли из Оренбургского Дома литераторов книжные подарки, ставшие призами викторин по русской литературе вообще и есенинской теме в частности. Призов в итоге не хватило, так велика была активность публики! И мы были очень этому рады!

Когда советник губернатора Оренбургской области, поэт и драматург Павел Рыков, говоря своё слово о Есенине на сцене фестиваля «Есенинская осень», процитировал знаменитые слова Есенина об Оренбуржье: «Оренбургская заря красношерстной верблюдицей // Рассветное роняла мне в рот молоко...», я внезапно выявила увидела памятник Есенину в Оренбуржье — поэт сидит на верблюде или стоит рядом с ним! А на постаменте высечены эти есенинские строки... И фестиваль «Есенинская осень», ставший для Оренбуржья традиционным, даёт полное право и основание на установку памятника поэту в крае, где его любили и любят до сих пор.

Диана КАН

Россия прирастает Сибирью

В Новосибирске в четвёртый раз прошёл Международный фестиваль «Книжная Сибирь»

На три дня город превратился в литературную столицу. Программа фестиваля «Книжная Сибирь» состояла из нескольких блоков: книжной ярмарки, культурной программы, форума «Книжное сообщество — интеллектуальный партнёр государства в социокультурном развитии регионов», регионального детского фестиваля, литературных семинаров, конкурса «Книга года». Фестиваль «Книжная Сибирь»-2018 — это 80 экспонентов, 121 мероприятие и свыше 6 700 посетителей. В течение трёх дней каждый желающий мог купить книги со значительной скидкой, пообщаться с популярными российскими и зарубежными писателями, посетить различные мастер-классы и творческие встречи.

На торжественном открытии книжного праздника было сказано, что 125 лет назад в Новосибирск привезли книги основатели города — инженеры. А с открытием областной библиотеки в 1966 году начался новый этап в интеллектуальном развитии города.

Внимание участников фестиваля привлекли гости из Санкт-Петербурга: поэт и музыкант, лидер группы «Зимовье зверей» Константин Арбенин, и Валерий Шубинский, писатель и литературовед, выступивший с лекциями о Данииле Хармсе, истории содружества поэтов ОБЭРИУ и культуре ленинградского андеграунда.

Ещё одним направлением в программе стали путешествия вокруг света. Совместно с Альянс Франсез был организован приезд на фестиваль французского писателя Седрика Гра и переводчи-

ещё только ожидает выхода в свет на русском языке. Выступление Алексея Терещенко было направлено на раскрытие увлекательной темы «Как стать переводчиком».

Гёте-институт представил инсталляцию на основе технологий виртуальной реальности «ПреVращение» по рассказам Франца Кафки, где всё привычное становится удивительно чужим, включая даже собственное тело. И участникам выставки, как и Грегору Замзе, главному герою известной по-

филологом Юрием Шатиным, мастером короткой прозы Анатолием Гавриловым, российским джазовым музыкантом и писателем Сергеем Беличенко, новосибирским учёным с мировым именем Владимиром Седых, прозаиками и поэтами Вячеславом Куприяновым и Данилой Давыдовым.

В рамках Международного фестиваля «Книжная Сибирь» уже второй год проходит Региональный книжный форум. На пленарном заседании научной конференции вслед за министром культуры Новосибирской области Игорем Решетниковым, директором государственной Российской библиотеки Марией Веденяшиной, главным редактором журнала «Сибирские Огни» Михаилом Шукимым выступил председатель президиума Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Елфимов с докладом о издательских проектах фонда.

Во второй раз прошёл конкурс «Книга года: Сибирь — Евразия». Среди лауреатов — Национальная издательская компания «Бичик» (за книгу «Легенды и сказки Севера»), Культурный центр «Русская неделя» из Тюмени (за книгу «Феатрон»), издательство Тюменского государственного университета (за художественное электронное издание на USB-флеш-накопителях «Книга Сибири» в 2 частях), Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова (за пятитомное издание «Алтай в трудах учёных и путешественников XVIII — начала XX веков»). Гран-при конкурса получил Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» за уникальное книжное издание в трёх томах «Евангелие Достоевского».

По оценке организаторов, Международный фестиваль «Книжная Сибирь»-2018 превзошёл фестиваль 2017 года по количеству посетителей, экспонентов, гостей, а также по яркости событий культурной и профессиональной программы.

Анастасия МИХАЙЛОВА

Когда собираются вместе поэты

Клуб писателей-выпускников Литинститута им. А.М. Горького и Международная общественная академия ЛИНИЯ «Русский СЛОГ» провели праздник поэзии «Поэт в России...»

Руководитель клуба и академии Галина Дубинина подчеркнула, что вечер русской поэзии стал продолжением традиции, заложенной выпускниками Литинститута предшествующих поколений. Этой встрече предшествовал праздник в Центральной книжной лавке писателей на Кузнецком мосту, где некогда выступал Евгений Евтушенко, автор известных строк «Поэт в России — больше чем поэт». Время вносит свои коррективы и вместо точки ставит вопросительный знак, так что у выпускников литинститута был повод поразмышлять: можно ли эти слова сегодня считать утверждением.

Вначале вспомнили поэтов, рождённых в октябре, — месяц оказался урожайным: Иван Никитин, Сергей Есенин, Марина Цветаева, Михаил Лермонтов, Алексей Кольцов, Николай Клюев, поэт и прозаик Иван Бунин, Василий Белов, поступивший в Литинститут с книгой стихов; поэт-фронтовик, прошедший две войны, Михаил Луконин, которому ныне — столет со дня рождения.

В этом году праздник совпал с днём

учителя, поэтому зал аплодисментами чествовал учителя русского языка и литературы Гимназии во имя Иоанна Богослова Татьяну Шеханову; учителя с более чем сорокалетним стажем Татьяну Хатину; педагога школы им. Фёдора Достоевского, куратора и ведущую Международных Достоевских чтений Елену Пекшееву.

На вечер, сюжетной канвой которого стала «дорога русской боли», прозвучали строки стихотворения недавно ушедшего поэта Сергея Короткова: «Ах, дорога русской боли! Сколько нас таких, прошло! И осталось в чистом поле, В синем звоне полегло...». Отдельную презентацию по ушедшим поэтам подготовили Наталья Шахназарова, Антонина Спиридонова и Сергей Кузичкин, главный редактор альманаха «Новый енисейский литератор» (Красноярск).

Литтеатр «ГаЛаТеЯ» показал спектакль по стихам поэтов-фронтовиков, представив в качестве исполнителей современных поэтов и актёров. Артист и прозаик Евгений Касаткин помимо стихов Симонова, Твардовского, Исаковского, Луконина продекламировал стихи своего отца Владимира Касаткина и под гитару исполнил песню друга. Своё посвящение ушедшим поэтам подарил автор-исполнитель Игорь Мухин.

Благодарственных грамот за свой подвижнический труд были удостоены юбиляры Людмила Снитенко, Зоя Донгак, Антонина Спиридонова, Сергей Кузичкин. Кроме того, на вечере была развёрнута «Литературная карта России», на которой отмечена «звезда полей» Вологодчины. Вице-президент Академии «Русский СЛОГ» Борис Рябухин, также утверждён-

ный в должности президента Академии российской литературы, перелистал шестой выпуск вышедшего в этом году альманаха «Над Шекснинской волной» ЛИТО «Содружество», на базе которого работает вологодский филиал Клуба писателей-выпускников Литинститута.

Алексей Полубота, возглавляющий поэтический отдел клуба, рассказал о подготовке к празднованию столетия Николая Тряпкина, стоявшего у истоков возвращения в литературу вологодского поэта Николая

Клюева. Представитель «русского мира» из Горловки (ДНР) славист Ольга Блюмина читала стихи своих земляков. А героем страницы поэтов-современников стал русский поэт Андрей Галамага из Москвы.

В завершении вечера состоялась презентация первого выпуска поэтического киноальманаха «Азбука жизни», в которой с экрана свои стихи читали выпускники Литинститута.

Приятным сюрпризом стали грамоты, подписанные Героем Советского Союза, генерал-майором авиации Сергеем Крамаренко — за подготовку и участие членов клуба в общественном Всероссийском форуме, посвящённом 75-й годовщине освобождения Смоленской земли от немецко-фашистских захватчиков.

Ольга ЯКОВЛЕВА

Оживший в тёмной комнате портрет...

Сергей СУЛИН

Прозаик, художник. Живёт и работает в Кишинёве. Член Союза российских писателей, Ассоциации русских писателей Молдовы, МСПС, Союза художников Республики Молдовы.

В 2004 году организовал и возглавил Товарищество русских художников РМ «М-АРТ». Как прозаик печатался в журнале Союза писателей Молдовы «Кодры», приложении к «Литературной газете», журнале «Москва», «Общеписательской Литературной газете», «Кстати» (Сан-Франциско) и других изданиях. Вот как Сергей рассказывает о себе и своём творчестве

...Года в четыре мне подарили тетрадь, в которой я сделал свои первые рисунки. Она и сейчас где-то на антресолях, и на её страницах по-прежнему шумит море и плывут корабли. Эти детские рисунки много лет позже подвигли меня помочь товарищу строить яхту. А работа на кишинёвской «верфи» и Черноморская регата стали составной частью написанного мной впоследствии романа «S Золотой рыбы», благодаря которому я был принят в АРП Молдовы и Союз российских писателей. Вот так одно цепляется за другое и откладывает отпечаток на всю жизнь...

У меня были замечательные педагоги, которые знакомили нас со всемирным художественным наследием, учили на примере мировой классики. Владимир Прокопович, например, давал мне книги из собственной библиотеки «Художники итальянского возрождения» и «Письма Ван Гога к брату». Ознакомившись со всеми перипетиями жизни великих художников, я понял, что нашёл свою будущую профессию.

Наша художественная школа дала путёвку в жизнь многим ныне известным художникам. Со мной в одном классе учились Эдуард Майденберг — теперь один из лучших книжных графиков республики и Игорь Хмельницкий, известный художник-иллюстратор, дизайнер.

Учёба в художке — вообще отдельная история. До конца дней буду помнить и нашу летнюю практику в Чернолевке на родине Игоря Виеру, и поход в лес всем классом, и землетрясение 1977 года, и первую драку, и первую туманную влюблённость.

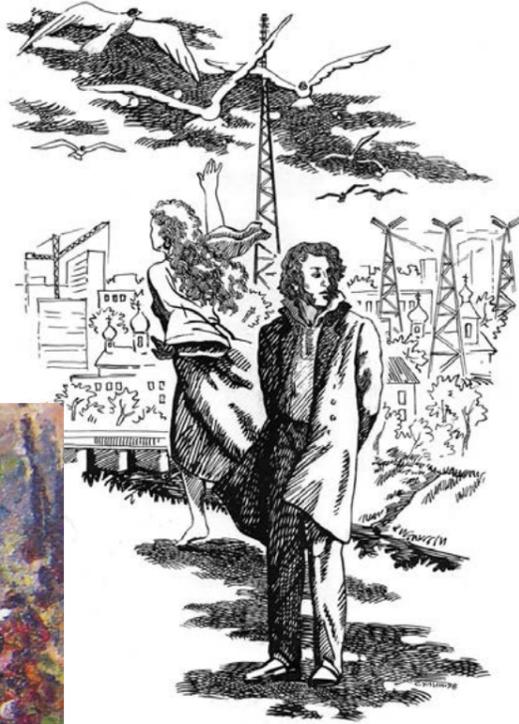
Самые яркие воспоминания юности связаны со студенческими стройотрядами. С гордостью говорю, что работал в Сибири на Байкало-Амурской магистрали. Там мы добирались самолётом. Из Москвы летели 9 часов, на высоте 10000 метров, а внизу под крылом лежала Ханты-Мансийская земля, покрытая кружевом озёр, в которых отражалось яркое солнце. Горизонт заметно округл (возможно, только казалось?), и где-то вдалеке, на пределе

видимости, — батюшка-Енисей, который множеством рукавов впадает в Северо-Ледовитый океан. Вот тогда-то я и осознал, что значит великий Советский Союз, где бесконечная Сибирь — лишь часть огромной России.

Первый стройотряд был в посёлке «Звёздном», второй — на станции Алонка (МолдавстройБАМ), где я работал и как художник-оформитель, и как разнорабочий. Потом я махнул туда ещё раз через всю страну на поезде — на этюды. Воочию увидел, что такое Восточно-Европейская равнина, красавец Урал, бесконечные сопки Сибири, познакомился поближе и с Усть-Илимском, Байкалом, Хабаровском.

На моих этюдах того времени есть и река Слюдянка, и Северо-Муйский хребет, и легендарный Витим. Несколько ночей мы провели в тайге у костра на берегу сибирской речки. Красота неописуемая!

Довелось мне побывать и в Чернобыле: занимался дезактивацией атомной станции и радиационной разведкой местности. Был там всего месяц, получил свою дозу, но эмоций и воспоминаний хватит

«Муза»

«Весна на Инзовой горке»

«Весна на улице Армянской»

Национальным музеем истории РМ, я появился на выставке Союза художников республики, и с «Серебряной серией» вступил в эту организацию. Чернобыльская «эпопея» является одной из линий моего романа...

В графике я неровно дышу к монотипии. В хаотичных отпечатках, сделанных тушью, ищу композиции. Именно таким образом я создал больше половины иллюстраций для сборников стихов Олеси Рудягиной.

У меня, как и у любого художника, есть свои излюбленные темы, серии и жанры. Это старый Кишинёв, пейзажи Молдовы, серии «Золотые сны Земли», посвящённые культурам разных народов мира, Пушкин в Бессарабии, библейские сюжеты, портреты современников.

Моя пушкиниана началась со скульптурного портрета поэта. С ним интересная история вышла. Выполнил портрет я в глине. Для перевода в гипс сделал контррельеф. Как-то в тёмной комнате случайно снизу осветил лампой его лицевую часть и... И не поверил глазам! Портрет ожил, Александр Сергеевич «поворачивал» за мной голову. Оказалось, что нижняя подсветка создаёт выпуклое, объёмное изображение там, где на самом деле вогнутая поверхность.

Мэтр исторической живописи Леонид Григорашенко ходил из угла в угол и с интересом наблюдал за невиданным ранее эффектом. Старый «пират» по достоинству оценил мою работу и предложил её в качестве экспоната Дому-музею А.С. Пушкина. Сейчас она выставлена на обозрение в библиотеке им. М. Ломоносова.

Конечно, среди моих «галатей» есть и самые-самые. Особенно дороги те, которых у меня уже нет. Например, портрет актёра театра им. А.П.Чехова, народного артиста Молдовы Всеволода Гаврилова в роли короля Лира; картина «Тишина. Молдова», ныне «прописавшаяся» в Москве, у директора издательства «Художественная литература» Георгия Пряхина; пейзаж старого Кишинёва, уехавший в Сан-Франциско с поэтом, издателем Николаем Сундеевым; «Весна на Инзовой горке», подаренная дому-музею А.С. Пушкина и многие другие. Среди самых любимых — те, что погибли во время поджога здания Парламента в 2009 году («Солнечный ветер», «Алонка», «Синие цветы»).

Не так давно я закончил портрет Рахманинова, а теперь рисую яркими красками солнечные пейзажи и полевые цветы моей Молдовы...

**На репродукциях
работы из серии
«Пушкин в Молдавии»**

Учредитель и Издатель:

«Международное сообщество писательских союзов» («МСПС»).
© Все авторские права защищены.
Газета Международного сообщества писательских союзов
«Общеписательская Литературная газета» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-42840 от 26.11.2010.

Редакционный совет:

Председатель — Иван Переверзин.
Члены: Владимир Бояринов, Светлана Василенко, Маквала Гонашвили, Илфак Ибрагимов, Юрий Конопляников, Лев Котоков, Низом Косим, Владимир Крупин, Станислав Куняев, Михаил Кураев, Исхак Машбаш, Борис Орлов, Николай Русу, Владимир Середин, Николай Чергинец.

Редакционная коллегия:

Главный редактор — Владимир Фёдоров
Заместитель — Елена Степанова
Дизайн — Елена Степанова
Верстка — Алексей Новиков
Редактор — Елена Аксаментова

Адрес редакции:

123995, Москва, Поварская, д. 52, к. 17.
Телефон: (495) 691-6307, 691-1639.
E-mail: olg-msps@yandex.ru

Отпечатано:

АО «Красная Звезда»
123007, г. Москва,
Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72
http://www.redstarph.ru
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
Тираж 9000 экз
Заказ № 5169-2018
Время подписания в печать:
по графику — 01.11.2018 в 10.00
фактически — 01.11.2018 в 10.00

Принимая во внимание, что одной из базовых ценностей современного демократического общества является свобода слова и совести, редакция даёт максимальную (в пределах закона) возможность высказаться авторам. Но это не означает, что мы всегда разделяем их позиции и точки зрения.
Авторы отвечают и за достоверность предоставляемой ими информации.